Татьяна Герцик

Серебро ночи:

трилогия вторая

- Секундо -

Книга вторая

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Секундо. Книга 2

«Дана Хадсон»
2019

Герцик Т.

Серебро ночи. Секундо. Книга 2 / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2019 — (Серебро ночи)

ISBN 978-0-4634-2126-0

Книга вторая второй трилогии саги «Серебро ночи». Встреча наследного принца Северстана и обладательницы древней королевской крови. Что принесет она стране?

ISBN 978-0-4634-2126-0

© Герцик Т., 2019
© Дана Хадсон, 2019

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 17
Глава третья 32
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Татьяна Герцик
Серебро ночи. Секундо. Книга 2

Редактор-корректор Ольга Костенко

© Татьяна Герцик

* * *

Глава первая

Жизнь Амирель в «Пряном ветре» была необременительной, но уж очень скучной, хотя Мелисси старалась скрасить ее, как могла. За чтением гривуазных романов и изучением придворного этикета медленно и неохотно прошла зима. Снег начал таять, обнажая уличную грязь, и Холлтбург любовавшейся им с крыши гостиницы Амирель уже не казался яркой нарядной игрушкой, как тогда, когда его улицы прятались под белым покрывалом.

В один из ненастных весенних вечеров, предварительно очистив черепицу от тонкого слоя выпавшей ночью пороши, Амирель грустно сидела на крыше, удобно устроившись на маленькой низенькой скамеечке возле самого парапета. Скамейку она выпросила у хозяйки, убедив, что так ее будет меньше заметно с улицы.

Уже стемнело, и она, не боясь, рассматривала тех, кто неторопливо проходил под стенами дома. В свете зажженных на ночь уличных фонарей люди с ползущими за ними длинными кривляющимися тенями казались на редкость смешными и неуклюжими.

Почувствовав, что не одна, Амирель обернулась и приветливо улыбнулась Мелисси. К ее удивлению, та не ответила. Вид у хозяйки «Пряного ветра» был непривычно растрепанный. Она держала в руках бокал с настоящим красным вином и медленно пила, не отрывая унылого взгляда от всходившей на горизонте блеклой поцоканной луны.

Допив бокал, поставила его на приступок и шлепнулась прямо на холодную черепицу рядом с Амирель, обхватив голову руками.

– Что с вами, Мелисси? – Амирель обеспокоенно наклонилась к ней. Протянула руку, желая погладить ее по плечу, но не решилась.

– Сегодня день страшного суда, – хрипло проговорила хозяйка, кривя рот в приступе беззвучного плача. – Моего страшного суда.

– А что случилось в этот день? – с содрогнувшимся сердцем спросила Амирель, вовсе не желая этого знать. Она предчувствовала горестную историю, которой уже ничем не поможешь, и от которой только напрасно заболит сердце.

Немного помолчав, Мелисси хрипло сказала:

– В этот день умерла моя маленькая дочка. Ей было всего семь лет. Это страшная плата за мое злодейство.

Амирель молча ждала продолжения, понимая, что хозяйке нужно высказаться. Плакать та уже не могла. Мелисси продолжила срывающимся хрипловатым шепотом:

– Я росла единственной дочерью в богатой купеческой семье. У меня было двое старших братьев, наследников, но я была любимицей родителей. Боюсь, своей любовью и попустительством они меня изрядно избаловали. В семнадцать лет я безумно влюбилась и выскочила замуж за простого парня без гроша в кармане. Родители были недовольны моим выбором, но не препятствовали. Да и как мне было препятствовать? Я потеряла от Гардена голову и слушать никого не желала, мне он казался чуть ли не богом.

Она запустила обе руки в волосы и с горечью добавила:

– Я в самом деле была слишком упряма и избалована. И до встречи с ним не представляла, что такое обман и горе. Хотя, возможно, это был приворот или любовное зелье, потому что после его смерти я не чувствовала к нему ничего, кроме отвращения. Но в ту пору я его в самом деле любила. Страстно.

Мелисси поднялась, взяла пустой бокал, пошатываясь, прошла в дом и через пару минут вернулась уже с полным. Выпив половину, бессильно опустила голову на грудь и продолжила:

– Муж меня не любил, мои родители оказались правы, убеждая меня, что ему были нужны только мои деньги. Он быстро завел любовницу, или она у него была раньше, еще до свадьбы, не знаю. Мне насплетничали о ней завидующие мне соседки. Гарден на мои деньги

купил для нее дом и приходил туда куда чаще, чем в мою спальню. Узнав об этом, я взбеленилась. Говорить изменнику я ничего не стала, но отомстить решила. Безжалостно. И я посчиталась с ним, я всегда была решительной и безрассудной.

Одним глотком допив вино, Мелисси сжала кулаки и яростно выдохнула:

– Я ни о чем не жалею! Вот только мою малышку мне жаль. Очень жаль. – И она без перерыва призналась: – Я их убила. Узнала, где он бывает, дождалась, когда он придет к любовнице, подперла дверь и подожгла дом. На окнах стояли решетки, и выбраться они не смогли. Потом я узнала, что у них был ребенок. Почти одного возраста с моей Джилли. Он сгорел заживо вместе с ней.

Амирель затрясло. Убить ребенка?

– Я не знала о ребенке! – простонала Мелисси, закрыв рукой глаза, будто отгораживаясь от страшного видения. – Но я все равно ни о чем не жалею! Гарден врал мне в глаза, улещал, уговаривал, убеждал выйти за него замуж. Клялся в вечной любви. Говорил, что умрет без меня. Если б я знала, что он собой представляет, никогда бы не стала его женой. Но он за все заплатил.

– Он тоже сгорел? – с ужасом спросила Амирель.

– Нет. Когда пожар разгорелся, я убрала доску от двери. Прибежавший на зарево народ вышиб дверь, и Гарден вышел. Он сильно обгорел, но был жив. Он спасал не любовницу с ребенком, а себя. Он всегда был жалким трусом.

– И он выжил? – Амирель с сочувствием смотрела на потемневшее от муки лицо Мелисси, но утешать не решилась. Как ее можно утешить?

– Если б за ним был хороший уход, то, возможно, и выжил бы! – со злорадством прокаркала женщина, мстительно фыркнув. – Но я, как примерная жена, привезла его домой, и вот тут-то высказала все ему в глаза. Он божился, что впредь будет мне верным мужем, но я ему больше не верила. К тому же он был мне уже противен, возможно, сказалось потрясение, а возможно, кончилось действие приворота.

Я закрыла его в спальне и приказала слугам в нее не входить. Он мучился неделю, сгнивая заживо. Его вопли были слышны по всему дому, но я была непреклонна. Когда он сдох, как жалкая собачонка, я похоронила его в общей могиле для бедных на самом краю кладбища. Там даже его имени нет. Но моя девочка…

Мелисси облизала пересохшие губы, посмотрела на опустевший бокал и попыталась подняться. Ее резко повело в сторону, и она бессильно опустилась обратно на холодную черепицу. Протянула Амирель бокал и безжизненно попросила:

– Принеси мне еще вина, будь так добра. Бутылка стоит на столе в моей комнате. Я уже не могу ходить.

Мелисси никогда прежде не обращалась к ней на «ты», и Амирель поняла, что той вовсе плохо. Шустро побежала в мансарду. Открытая нараспашку комната хозяйки, в которой Амирель никогда не бывала, походила на будуар знатной дамы, а не на спальню простой горожанки. В ней стояла дорогая мебель с золочеными инкрустациями, а огромная кровать под бархатным балдахином была достойна самого короля.

Амирель наполнила бокал из стоящей на столе ополовиненной бутылки с золотой этикеткой на терминском языке. Подумав, Амирель захватила ее с собой, чтоб больше не бегать туда-сюда. Прихватила и валяющуюся на полу большую подушку-думку из дорогого велюра.

Принесла вино все так же безвольно сидевшей на крыше Мелисси, бросила думку на черепицу и попросила хозяйку на нее пересесть, чтоб не заболеть. Та послушно перелезла на подушку, приняла бокал, выпила и глухим голосом, больше похожим на подавленное рыдание, сказала:

– А через год в этот же самый день я потеряла мою Джилли. Она играла в верхней спальне со своей няней. Было жарко, окна были раскрыты. Я вышла из дома, собиралась на рынок. Она увидела меня, вскочила на подоконник, закричала «мама, я с тобой» и шагнула вниз. И все…

Мелисси зажмурилась от страшного видения и с неосознанной силой сжала руку с бокалом. Хрупкое стекло лопнуло, вино, перемешанное с кровью, потекло по ее подолу, но она ничего не замечала.

Амирель взяла ее руку, провела ладонью по порезу, он тут же затянулся. Погладила Мелисси по голове, утешая, и та с облегчением вздохнула, растянулась на холодной черепице и тут же заснула. Амирель с трудом дотащила ее до спальни, волоком перетянула через порог и оставила отсыпаться на мягком ковре. Поднять на высокую кровать довольно-таки упитанную хозяйку сил у девушки не хватало, а звать кого-либо на помощь было нельзя.

На следующее утро Мелисси ничего не помнила. У нее жутко болела голова, и Амирель снова пришлось ее лечить. Их горестный разговор о прошлом она не помнила совершенно. Амирель считала, что это и к лучшему. Напоминать Мелисси о погибшей дочери она не хотела. Да и жестокое убийство трех людей не одобряла тоже.

Хотя кто знает, как бы она сама поступила на ее месте? Возможно, тоже захотела бы отомстить неверному мужу за обман и подлость.

Мелисси упорно занималась гардеробом своей гостьи, считая, что это необходимо любой женщине, а уже носительнице королевской крови и подавно. Постепенно Амирель обзавелась одеждой – халатами, красивыми платьями, тонким, ласкающим кожу, бельем, удобной обувью. Все это было на редкость приятно, но вот жить в мансарде, ничего не делая, оказалось невероятно скучно.

Амирель уже не понимала, как могла когда-то мечтать о том, чтобы прожить здесь всю свою жизнь. Она прочитала все книги, что смогла достать для нее хозяйка, и жестоко мучилась от безделья.

На все ее просьбы дать ей хоть какое-нибудь дело Мелисси отнекивалась. Ей было гораздо проще носить своей постоялице разного рода книги, показывать книксены и реверансы да учить легкому флирту.

Проведя полгода в четырех стенах, Амирель была готова спрыгнуть вниз от тоски и чувства бесполезности. Видя ее отчаяние, Мелисси, жалея ее, решилась сходить с ней на главную ярмарку Холлтбурга.

Это оказалось роковой ошибкой.

В конце короткого северного лета, сразу после окончания полевых работ, в славном городе Холлтбурге, исконном владении графов Холлтов, под эгидой самого графа с незапамятных времен проводились ярмарки с увеселениями. На них приезжали бродячие музыканты, певцы и артисты, показать зевакам смешные сценки, спеть песенки и разыграть целые представления.

Появлялись и бродячие цирки с медведями и смешными собачками, акробатами, шутами и канатоходцами. От имени графа Холлта всем посетителям ярмарки бесплатно раздавались сласти и выпечка. Этого события жители города и окрестных земель с нетерпением ждали целый год.

Вся прислуга гостиницы «Пряный ветер» начинала мечтать о ярмарке задолго до ее открытия. А уж летом все разговоры были только о ней, сравнивали, какой она была в прошлые годы, и гадали, какой будет в нынешнем, и чем еще порадует их владетель города. Служанки даже переставали спорить из-за своих любовников и обсуждать фаворитов хозяйки, и вовсю готовили наряды для праздника.

Из-за занятости в гостинице прислуге можно было идти на ярмарку либо с утра до обеда, либо после обеда и болтаться на ярмарочной площади до глубокой ночи. Естественно, все хотели отправиться туда вечером.

Мрачная Мелисси, для которой это время было самым выгодным в году, ведь на ярмарку приезжали богатеи со всей округи, и прислуга была нужна как никогда, велела бросить жребий, чтоб никому не было обидно.

Жребий бросали в два этапа – сначала мужчины, потом женщины. Половины оставшейся прислуги было мало, в дни ярмарки посетителей было куда больше, чем обычно, и хозяйке приходилось нанимать дополнительные руки. Это было просто – безработных и слуг, и служанок в городе хватало, да и работать в «Пряном ветре» было выгодно. Хозяйка платила приличные деньги без задержек, что порой случалось в других, не столь достойных заведениях. Но и прислугу выбирала с понятием – грязнуль и нечистоплотных на руку в ее заведении не привечали.

Когда все утряслось с гостиницей, для Мелисси снова наступили тяжелые времена – на ярмарку стала проситься Амирель.

– Я так хочу посмотреть на медведей! И на акробатов! И увидеть клоунов! Я ведь никогда ничего этого не видела! – плакала та, заливаясь горючими слезами и по-детски вытирая ладонями мокрые щеки. – Это несправедливо, ведь я накину капюшон на лицо и ни на кого не буду поднимать глаз! Никто ничего не заподозрит, ведь народу будет тьма! Мы пойдем вечером и наденем темные маски!

Мелисси уже сто раз пожалела, что, желая развлечь Амирель, в красках расписала ей ярмарку и ее соблазны. Под напором настойчивых просьб и уговоров она колебалась. Ей было жаль Амирель, ведь сидеть целыми днями взаперти ужасно, к тому же она сущая девчонка, по сути, еще ребенок, обожающий празднества, лакомства и веселье.

Она вспоминала свою погибшую дочь, ровесницу Амирель, и горько вздыхала. Ей ничего не жаль было для своей гостьи, к которой прикипела сердцем, но и отпускать ее было опасно. Жизнь штука коварная. Надеешься на одно, а она преподносит тебе совсем другое, в этом Мелисси убедилась на собственной шкуре.

Но Амирель смотрела на нее таким жалобным взором, что она не выдержала. Ведь не каменная же она! К тому же доведенная до отчаяния Амирель вполне могла сбежать на ярмарку одна и попасть в неприятную историю. Слабым девчонкам среди грубых мужиков делать нечего. А если учесть, что в эти дни город будет переполнен стражниками и эмиссарами тайного королевского сыска, и без присмотра неопытная и наивная девушка вполне может попасть им в лапы, то риск возрастал в несколько раз.

Не нужно было ничего говорить ей про ярмарку, но если уж сказала, то придется ее туда вести. Решив, что от судьбы все равно не уйдешь, Мелисси с угнетенным сердцем пообещала:

– Хорошо, когда стемнеет, я отведу вас на городскую площадь. Но, чур, ни с кем не разговаривать, ни на кого не смотреть, и от меня не отставать ни на шаг! Сами понимаете, как мы рискуем!

Амирель запрыгала от радости и клятвенно пообещала сделать все точь-в-точь, как велено.

В день ярмарки в общем зале гостиницы было не повернуться, приехавшие издалека постояльцы спешили поплотнее перекусить, чтоб уже потом сытыми отправиться на праздник. Прислуга и постоянная, и нанятая только на эти дни, сбилась с ног, выполняя заказы посетителей. Мест не было ни в гостинице, ни в трапезной, и отказывать пришлось даже приехавшим на ярмарку прасолам. Впрочем, таких было немного – большинство позаботилось о себе заранее, заказав номера вперед.

Мелисси вовсе не хотелось в столь горячее время оставлять гостиницу без хозяйского догляда, чтоб служить дуэньей и одновременно охранником неопытной девице, но она всегда держала данное слово.

Поэтому, едва на город опустились сумерки, она принесла Амирель маску, темную накидку с густой вуалью, сама надела такую же, и они вышли на улицу.

Ощутив простор и свободу, Амирель буквально опьянела от свежего воздуха и чуть не закружилась на месте от охватившей ее неистовой радости, вопя от восторга. Она бы так и сделала, если бы не чувствительный щипок идущей рядом Мелисси. Та, понимая, что творится с подопечной, сердито погрозила ей пальцем, призывая к порядку.

Амирель пришлось изобразить хорошо воспитанную девицу и двинуться за хозяйкой степенно и важно, как и подобает достойной особе из приличной семьи. Ветер дул в лицо, лаская кожу, и она наслаждалась этим полузабытым ощущением.

С ними пытались заигрывать полупьяные встречные мужики, уже хлебнувшие сидра и джина, но Мелисси бесцеремонно отталкивала их и упорно шла дальше. Эйфория Амирель потихоньку исчезала, уступая пониманию, что одной ей на этих шумных улицах делать нечего. А ведь она и впрямь хотела сбежать из гостиницы и хоть немного порадоваться жизни на городском празднике.

Они пробились на главную городскую площадь, где было не повернуться из-за детей, собирающих с мостовой разбрасываемые с ратуши сласти.

Одна из летящих сверху конфет больно стукнула Амирель по лбу. От синяка ее спасла маска, оказавшаяся надежным щитом. Девушка охнула и машинально схватила прилетевший подарок. Это оказался сахарный петушок на палочке.

Мельком глянув на него опытным глазом, Мелисси пренебрежительно заметила:

– Тут больше меда, чем сахара. Интересно, граф Холлт об этом знает? Наверняка заплатил как за чистый сахар. Это чистое разорение, мед-то ведь в десять раз дешевле. Обманывают его все, доверчивый он чересчур.

Амирель хотела узнать, с чего это она взяла, но тут кто-то потянул ее за рукав, и раздался тоненький плаксивый голосок:

– Тетенька, дайте петушок, пожалуйста! Мне ни разу не удалось его поймать! А мне так хочется его попробовать!

У Амирель болезненно ойкнуло сердце. Возле нее стояла плохо одетая девочка лет пяти, напомнившая ей младшую сестру. Амирель молча протянула ей леденец, и малышка расцвела. Крикнув:

– Спасибо, добрая тетенька! – засунула петушок в рот целиком и спряталась в самой гуще толпы.

– Зачем она засунула в рот весь леденец? – Амирель недоуменно посмотрела ей вслед. – Она ведь может подавиться.

– Да чтоб другие дети не отобрали! – сердито пояснила ей хозяйка. – У тебя что, в детстве никто ничего не отбирал?

– Нет. – Амирель вспомнила свою большую дружную семью и поняла, как мирно они жили. – Отец такого не разрешал. У нас старшие всегда младшим уступали. И соседские дети себя так же вели. Хотя я их почти не видела. Только иногда в щелочку в заборе за ними подглядывала.

Мелисси завистливо вздохнула, пропустив мимо ушей ее жизнь за забором.

– Да, хорошо тебе жилось в дружной-то семье. И не видела ты, сколько жестокости порой творится в большом городе на улицах, да и за закрытыми дверями тоже…

Амирель ждала продолжения, но его не последовало. Хозяйка подвела ее к одному из высоких помостов, сколоченных вдоль всей площади, и приказала:

– Ну, любуйся. Это зверинец. Этого ты хотела?

Девушка ожидала чего-то веселого, но на помосте к крепкому столбу был прикован бурый мишка в висевшей грязными колтунами шкуре. Жалкий, понурый и голодный. Толпа ревела и свистела, порой в медведя летели довольно увесистые булыжники, но он уже ни на что не реагировал.

Амирель стало его жаль. Отвернувшись, она тихо спросила у своей спутницы:

– Можно его покормить?

Мелисси не жаловала лесное зверье. В ее представлении все они были кровожадными чудовищами, при любой возможности убивающие людей. Вид дикого медведя внушал ей отвращение и ужас, она, не отвечая, ухватила Амирель за руку и потащила к следующему помосту.

Тут было уже веселее. Двое жонглеров в полосатых костюмах швыряли друг другу горящие факелы, рассыпающие вокруг красноватые искры. Факелов было восемь, и они, с немыслимой быстротой крутясь вокруг своей оси, летали от циркача к циркачу. Амирель, замерев от восторга, заворожено следила за факелами, превратившимися в темноте в сплошные огненные полосы, враз позабыв про голодного медведя.

С другой стороны площади раздался красивый баритон, громко затянувший балладу о несчастной любви. Мелисси снова ухватила подопечную за рукав и потянула за собой. Той пришлось подчиниться.

Они с трудом пробились к следующему помосту. На нем стоял высокий красивый парень в черно-белом балахоне и под аккомпанемент виолы пел звучным высоким голосом о несчастной невесте, бросившейся в воду из-за погибшего до свадьбы жениха. Стоящие вокруг женщины вытирали слезы с глаз и благостно улыбались.

Когда он закончил, на помост полетели деньги. Растроганная Мелисси тоже бросила пару медяков. Амирель последовала ее примеру и кинула певцу монетку. Мелисси тотчас утащила ее обратно в толпу и грозно прошипела:

– Ты зачем серебро кидаешь? Хочешь, чтоб тебя ограбили?

– У меня больше ничего нет, – сконфузилась девушка.

– Ладно, давай сюда деньги! – скомандовала Мелисси и крепко зажала в руке полученную серебрушку.

Подошла к торгующему пирожками лоточнику, подала серебро и приказала:

– Два пирожка с мясом, да посвежее!

Тот недовольно осклабился.

– Вот ведь богатеи какие по ярмарке ходят! Сдачу им с целой серебрушки подавай! Что ж не с золотого?

– Если нет сдачи, так и скажи! – небрежно обрезала его Мелисси. – У другого купим, побогаче.

Покряхтев, лоточник все-таки набрал им на сдачу девяносто восемь медяков.

Ссыпав мелочь в руку Амирель, хозяйка тихо приказала:

– Не шикуй! – и принялась оглядываться в поисках кого-то.

Увидев ту самую маленькую девочку, что выклянчила у Амирель леденец, поманила ее пальцем. Та несмело подошла. Мелисси отдала ей оба пирога. Малышка, не поверив своему счастью, прижала их к груди и убежала, даже не поблагодарив.

– Стой! – воскликнула Амирель, думая дать ей еще пару медяков, но та даже не оглянулась, только припустила еще быстрее.

– Как она напоминает мне мою малышку… – тихо проговорила Мелисси, и в ее глазах сверкнула слеза.

Устыдившись своих слез, тут же с натугой улыбнулась и бравурно предложила:

– Что, пойдем на гаеров посмотрим?

Они пошли к полосатому помосту, поставленному возле самой ратуши. На нем отвешивали тумаки друг другу несколько одетых в пёстрые шутовские наряды фигляров. Они что-то кричали, осыпая друг друга ударами, и толпа вокруг довольно гоготала, главным образом плохо одетые мужики.

– Да, шутки все те же, – брезгливо заметила спутница ничего не понимающей в этих выкриках Амирель. – Новенькое придумать им не по силам. Ладно, тебе слушать такое еще рано. Пошли отсюда!

Они пошли дальше, ненадолго задерживаясь у всех попадавшихся по дороге помостов. Народ шумел все больше, подкрепившись хмельным пивом и сидром. Мелисси с опаской посматривала на опьяневших мужиков, тянувших наглые ручонки ко всем встречным женщинам.

– Амирель, нам лучше отсюда уйти, – серьезно предупредила она, крича ей почти в ухо из-за сильного ярморочного шума. – Как бы в неприятную историю не попасть. Мне-то все равно, а вот тебе нельзя. Но если влипнешь ты, то потянешь за собой и меня.

Но у Амирель, впервые видевшей столько нового, забавного и интересного, здравый смысл отказал напрочь.

– Да что тут может случиться? Здесь же полно стражников, они не допустят ничего плохого.

Подтверждая ее слова, мимо промаршировал отряд стражи в надраенных до блеска в честь праздника латах. Некоторые из них были близкими друзьями Мелисси, к которым принадлежали те, кому посчастливилось побывать в ее постели.

Несмотря на темную накидку и маску, многие ее узнали и принялись лукаво подмигивать, намекая на новую встречу. Но она высокомерно задрала нос и сделала вид, что видит их в первый раз.

После встречи с караулом Мелисси несколько успокоилась, но все равно держалась настороженно, крепко схватив подопечную за рукав и опасливо поглядывая вокруг.

– А где здесь продают пирожное? – вертя головой по сторонам, воодушевленно спросила Амирель.

– Пирожное? – хозяйка удивилась. – Откуда ты это название-то знаешь? У меня в гостинице такое не готовят.

– Из гривуазных романов, откуда же еще? – простодушно призналась девушка. – Там кавалеры всегда угощают своих возлюбленных пирожными и конфетами. Дамам это очень нравится. Вот я и думаю, что же это такое. Очень хочется попробовать.

Мелисси посетовала на свою непредусмотрительность. Ведь что ей стоило велеть приготовить своему повару пирожное якобы для себя, и угостить им Амирель. Но она никогда не заказывала сласти, потому что не любила их, и об этом знали все. Да и готовить их не выгодно. В ее гостинице останавливались главным образом купцы, а они все поголовно грубые мужчины, и подобные излишества спросом у них не пользовались.

– Хорошо, я тебя проведу к твоим пирожным, но после этого мы немедля пойдем домой! – твердо сказала она и увлекла девушку к закрытым шатрам у противоположного выхода с площади.

Разноцветные шатры из плотного войлока стояли вдали от толпы, чтобы на вкусные нежные изделия не попадала дорожная пыль. Да и толкущейся на ярмарке бедноте здесь делать было нечего, выставленные здесь изысканные лакомства были им не по карману.

Мелисси с Амирель вошли внутрь одного из тех, что стоял поближе. Кругленький продавец в длинном белоснежном балахоне и высоком накрахмаленном колпаке окинул их оценивающим взглядом и чуть заметно поморщился. Кланяться им он не стал. От таких посетительниц прибыли ждать не приходится. Посмотрят на товар жадными глазами, облизнутся и уйдут.

Недовольная подобным обращением Мелисси сердито сдвинула брови в ответ, а Амирель пренебрежения и вовсе не заметила. Внутри на длинных лотках покрытых белой пекарской бумагой рядами были выложены прекраснейшие в мире сласти. У нее тут же разбежались глаза от их обилия, а от соблазнительного аромата рот наполнился слюной. Ей хотелось попробовать все-все-все.

На цены она даже не смотрела, но возмущенный шепот Мелисси привел ее в чувство:

– Двадцать медяков, тридцать, пятьдесят! Кошмар! И за что? За обычный кусок теста? Нет, это не для нас! Пошли отсюда!

Но Амирель ее не слушала. Как сомнамбула, она, отсчитав сорок медных монет, протянула их продавцу, и, не поднимая глаз, указала на белоснежное пирожное.

– Прекрасный выбор, госпожа! – восхитился продавец, подавая ей пирожное и одновременно бросая на нее слишком уж внимательный взгляд.

Мелисси тут же оттерла девушку за свою спину и подала двадцать медяков, указывая на самое дешевое пирожное. Получив его, хотела выйти из шатра, но тут, перегородив выход, в него зашли три роскошно одетые дамы с семью девочками разного возраста, начиная с уже полностью оформившейся барышни лет четырнадцати и кончая малюткой лет трех. Все девочки были наряжены в пышные бархатные платья, на плечи накинуты меховые плащи с дорогим собольим подбоем, на одинаковых светлых головках красовались кокетливые капоры.

Тут же забыв про Амирель с Мелисси, продавец склонился перед вошедшими чуть ли не до самой земли. Амирель, увлеченная вкуснейшим в мире пирожным, посмотрела на вошедших мельком, раздумывая, что бы еще купить, а вот Мелисси присела в низком почтительном реверансе. Ей ответили милостивым кивком и дружеской улыбкой.

Дети с радостными криками кинулись к пирожным, а старшая дама захотела перекинуться словцом с хозяйкой «Пряного ветра», но та сделал вид, что не заметила призывного кивка, и быстро выскочила за полог шатра, не забыв увести и свою беспечную спутницу.

Только отойдя на достаточно большое расстояние, с облегчением выдохнула:

– Уфф! Кажется, пронесло!

С наслаждением слизывая с пальчиков остатки невообразимой вкусности, Амирель рассеянно поинтересовалась, рассматривая крутившиеся по периметру площади огненные шутихи:

– А кто это был?

– Сама графиня Холлт с дочками! – сердито прошипела Мелисси, зорко поглядывая по сторонам и передавая Амирель свое пирожное. – А она одна не ходит! Значит, кругом охрана и, – она угрожающе посмотрела на слишком беспечную девицу и зловеще добавила: – эмиссары тайного королевского сыска! Не хочешь с ними встретиться?

Как она и рассчитывала, Амирель вздрогнула, побледнела и тоже принялась испуганно озираться, забыв про пирожное в своей руке.

– Что, домой? – Мелисси была уверена, что на сей раз возражений не окажется.

Их и не было. Испуганная до дрожи девушка немедленно повернула к выходу из площади, жуя пирожное, даже не понимая его вкуса.

Вот только выйти им не дали.

Какой-то подвыпивший бородатый мужик в облитом пивом длиннополом кафтане обхватил Амирель за талию и увлек за собой в самый центр толпы, туда, где на огороженной веревками площадке шли кулачные бои. От него мерзко несло перегаром и потом, и еще чем-то на редкость противным.

Амирель затошнило от брезгливости. Испугавшись, она пыталась вырваться, но он только крепче сжал ее и пригрозил:

– Вздумаешь звать стражников, только хуже сделаешь! Я здешний король, Хран. Знаешь меня?

Амирель никогда о нем не слышала и честно сказала:

– Нет. А что вы здесь делаете? Я думала, король только в столице.

Он запрокинул голову, выставив острый кадык на грязной шее, и заливисто заржал, как жеребец во время гона.

– Ну, ты и простушка! Из глухой деревни, что ли? – и горделиво пояснил, не дожидаясь извинений: – Я король преступников всего Холлтбурга, ясно?

У Амирель от страха мелко задрожали руки.

– Отпустите меня, пожалуйста! Вы мне не нравитесь! – взмолилась она, отворачиваясь в сторону от его смрадного рта.

Он снова развеселился. Плотнее прижав к себе и нагло обшарив ее хрупкую фигурку сверху донизу огромными грязными лапами, заверил:

– А это неважно. Главное, чтоб ты мне нравилась. Тельце у тебя ничего, грудки славные, налитые, задок кругленький, а если мордочка подкачала, то на нее можно и не смотреть. Она мне без надобности. – Положив руку на ее грудь, болезненно сжал.

Мимо прошел отряд стражников, бдительно следящий за порядком. Амирель с мольбой посмотрела на них, боясь кричать. Вдруг они потребуют у нее снять маску, что она тогда будет делать?

Хран, решивший, что она не стала звать стражу из-за его угрозы, одобрительно хлопнул ее по заду тяжелой ручищей.

– Молодец, умная девка! Или не девка?

– Что вы имеете в виду? – растерялась Амирель.

– Да мне это без разницы. От тебя требуется только юбку за тем углом задрать повыше и все, а дальше я сам справлюсь. – И он решительно потащил ее дальше, обещающе оглаживая по заду.

Амирель с трудом переставляла онемевшие ноги. Неужели ее изнасилуют здесь, на празднике?

– Не боись! Если ты мне по нраву придешься, я тебя к себе заберу! Будешь королевой. Недолго, правда, мне бабы надоедают быстро. Всем вам только одно надо – деньги! А денежки я и сам люблю! – он снова похабно загоготал и прижал ее руку к вздыбленной ширинке, показывая, что он уже готов.

По Амирель волной прошла волна омерзения. Разозлившись, она твердо потребовала, срываясь на крик:

– Отпустите меня! Немедленно!

Разбойник пренебрежительно фыркнул, и не думая выполнять ее дурацкое требование, но, к собственному изумлению, опустил руки и сделал шаг назад. Она быстро ввинтилась в толпу и исчезла, а Хран еще несколько минут стоял, потрясенно глядя ей вслед. Наконец, хрюкнул, как кабан-переросток, стукнул себя кулаком по бедру и проговорил:

– Колдунья, как ни есть колдунья!

Амирель вспугнутым кроликом металась по площади от выхода к выходу, ища Мелисси. Нужно было убегать, прятаться, но она не помнила дороги домой. Когда они шли сюда, было сумрачно, а сейчас стояла полная темень, прорезаемая только редкими городскими фонарями, до неузнаваемости менявшими дорогу.

Да и не запоминала она ориентиры в полной уверенности, что и обратно пойдет со своей хозяйкой. И теперь напоминала себе перепуганного потерявшегося ребенка, не понимающего, куда делась мать.

Решив спросить у прохожих, где находится гостиница «Пряный ветер», Амирель подобралась поближе к приличного вида горожанкам, стоящим в окружении мужей. Они показались ей наиболее безобидными.

– И ведь семеро дочерей, семеро, а наследника-то нет как нет! – сокрушалась одна из женщин. – Кому титул-то с мэнором отойдут, ежели он так и не появится? Короне? Вот обидно-то будет! Владетели-то у нас испокон веку одни, графы Холлты, и хорошие владетели, добрые, рачительные. Если наследника не будет, кто нами править-то станет? Вдруг кому недоброму графство-то отдадут?

– А бастарда завести надо, раз законная супруга к этому делу неспособна, – с глумливой насмешкой высказался один из подвыпивших мужиков. – Раз законных наследников нет, король и бастарда признает.

– Ты говори, да не заговаривайся! – враз вскинулись на него женщины. – Графиня-то добрая, столько дел хороших делает…

– А чего ей еще остается, когда нормальное дите родить не в состоянии, – все с тем же пренебрежением продолжил охальник. – Вот потому и добрая, что выслуживается перед всеми. А было б у нее, как положено, два сына, так не была бы добренькой, потому что силу свою бы чувствовала. Как-никак, мать наследника. – И, описав рукой небрежный круг, презрительно выплюнул: – А теперь она кто? Жалкая мамаша разорительниц отцовского имения. За девками же приданое ой какое давать надобно, чай графские дочки. А платить за них кому? Отцу, из своих доходов!

Женщины снова принялись дружно защищать графиню, говоря, что сыновьям тоже нужно обеспечение давать, но мужики хором отстаивали ее неспособность и ничтожность.

Амирель бесшумно шагнула в сторону. Узнавать у них дорогу расхотелось. Наверняка этот противный мужик начнет расспрашивать, зачем ей гостиница да кто она такая. И запомнит. Еще и донесет в тайный сыск. Предчувствие опасности било по нервам, требуя убраться отсюда подальше.

Не зря Мелисси убеждала ее не ходить на праздник. А все ее глупое упрямство. Сидела бы себе тихо на крыше, любовалась на праздник издали. Ну и что, что было бы скучно? Зато безопасно. А что теперь? Куда ей идти?

Она повнимательнее посмотрела по сторонам. Нет, дороги ей самой не найти, ночью при свете неверных огней все кажется незнакомым. Постаралась успокоиться и принялась искать помост, к которому они с Мелисси подошли в самом начале, надеясь выйти от него в знакомый проулок и подождать свою хозяйку там, но ни на одном помосте медведя не нашла, а внешне они все были одинаковы.

Вконец запутавшись, отошла к большой бочке с водой, приготовленной по приказу графа для тушения опасных огней, он боялся возможных пожаров, и замерла, надеясь, что праздник скоро закончится, толпа рассеется, и они с Мелисси найдут друг друга. Что та так же суматошно, как и она, ищет ее на площади, не сомневалась.

Она неподвижно простояла больше часа и начала уже замерзать, ночь выдалась прохладной, но толчея вокруг стала лишь сильнее. Зеваки говорили об обещанном графом Холлтом дьявольском огне, без которого народ расходиться по домам и не думал. Что это за огонь, Амирель не знала и нервничала, боясь, что ее разоблачат.

Она тихо стояла за бочкой, стараясь не привлекать к себе внимания, когда по ушам ударил истеричный женский вопль:

– Медведь, бешеный медведь вырвался из клетки! Спасайтесь! Бегите!

Народ охнул и понесся к выходу с площади, давя друг друга. Амирель вспомнила худого и ободранного, ни на что не реагировавшего медведя. Как же нужно было его дразнить, чтоб он вспомнил, что он страшный лесной зверь, и вырвался на волю из железной клетки?

Людской поток чуть не снес ее с ног, и ей пришлось ухватиться обеими руками за края бочки. Неподалеку раздался угрожающий медвежий рев и следом полный нечеловеческой боли пронзительный детский крик.

Высоко подобрав юбки, чтоб не путались в ногах, Амирель, не помня себя, бросилась туда. Бежать никто не мешал, народ в панике моментально рассосался, как обычно бывает в минуты опасности.

Возле одного из помостов вся в крови лежала худенькая девочка в разодранном платье. Амирель узнала ее – это была та самая малышка, что попросила отдать ей петушка на палочке.

Одной лапой на ее слабенькой груди стоял медведь, второй готовясь нанести последний, роковой, удар. Девочка уже не кричала, а стонала из последних сил. Вокруг медведя толпились стражники, пытаясь отогнать его длинными пиками, но только еще больше его злили. Зверь обезумел и от боли, и от запаха свежей крови. Он рычал и огрызался, не собираясь сдаваться.

– Стойте! – закричала бежавшая изо всех сил Амирель, напрочь забывшая о себе. – Не трогайте его! Будет еще хуже!

Один из стражников повернулся к ней и грубо велел:

– А ты что можешь сделать, глупая малявка?! Иди отсюда поскорее, пока он и тебя не задрал! И без тебя тошно!

На площадь выскочила бедно одетая женщина и опрометью кинулась к малышке. Стражники ее оттолкнули, но она снова кинулась к ребенку, крича что-то непонятное. «Мать, – мелькнуло в голове Амирель, – пытается спасти дочь.» – и она решительно двинулась к медведю.

Один из стражников хотел ее остановить, перерезав ей дорогу копьем, но она протянула руку и приказала ему: «Стоять!» И он замер в той же скрюченной позе.

Стражники с сомнением смотрели на странную девушку, не пытаясь больше препятствовать, а она подошла к медведю, откинула с головы капюшон, сняла маску и, глядя ему в глаза, твердо приказала:

– Уходи отсюда! Скорее, или тебя убьют. Ты же умеешь лазить по деревьям, залезь на самое высокое дерево возле городской стены, потом по ней переберись на дерево с той стороны, и ты на свободе. Спеши, пока народ рассеялся! Стражников я удержу.

Медведь благодарно рыкнул и скрылся в ночи.

На площадь выбежала Мелисси, но Амирель ее не увидела. Опустившись на колени перед истекающей кровью девочкой, не замечая, что ее юбки намокли в крови, провела ладонью по рваной ране на груди, та медленно затянулась.

Девочка всхлипнула и замолкла, с надеждой глядя на свою спасительницу. Подбадривающе улыбнувшись терпеливому ребенку, Амирель залечила все кровоточащие ссадины и раны на ее руках и ногах.

Мать девочки, прорвавшаяся сквозь стражников к своему ребенку, упала на колени рядом с целительницей, с оторопью и надеждой следя за ее руками.

А наблюдающая за ними Мелисси до крови прикусила нижнюю губу.

Она уже понимала, что сейчас будет.

Глава вторая

Главная городская площадь Холлтбурга, еще недавно полная шума, музыки и смеющихся людей, замерла в угрюмом молчании. Медведь, распугавший толпу и чуть не погубивший маленькую девочку, убежал, никто его не ловил.

Перед помостом в луже крови на коленях стояла Амирель, водившая руками над распоротой грудью малышки. Мелисси в ужасе схватилась за сердце, расширенными глазами следя за безрассудством девушки. Вместе с ней за чудом, происходившим перед ними, следили потрясенные стражники.

У Мелисси мелькнула мысль схватить за руку глупую девчонку и утащить за собой, но это было бы верхом безрассудства. Ведь многие из стражников ее знали, и утаивать ее имя никто из них бы не стал. Найти ее и Амирель в этом случае для эмиссара тайного королевского сыска было бы делом нескольких минут.

Медленно попятившись и стараясь держаться подальше от освещавших площадь факелов, Мелисси опрометью кинулась в «Пряный ветер», взлетела к себе в мансарду, вытащила спрятанное под половицей письмо дроттина, привезенное Амирель, и побежала к городскому имению графа Холлта.

В обычное время оно пустовало, если не считать прислугу, но сегодня, в день ежегодной городской ярмарки, вся графская семья приехала сюда из родового замка. Пока Мелисси металась по площади в поисках как сквозь землю провалившейся глупышки, видела, как все семейство графа во главе с ним самим вышло из толпы и пешком отправилось к своему дому.

И теперь она надеялась только на одно – только бы Холлт принял ее сразу! Если он откажет, то для Амирель все будет кончено. Да и для нее тоже. Ведь кто прятал королевскую кровь больше полугода? Она! В тайном королевском сыске раскалывались самые стойкие, под пытками Амирель, как бы ни сопротивлялась, но волей-неволей выдаст все, что с ней было и кто ей помогал.

В голове мелькнула неприятной укоризной мысль – надо было сразу выдать ее эмиссару тайного сыска, сейчас и беда над ее собственной головой бы не висела, но Мелисси от этой здравой мысли отмахнулась. Как бы она потом жила с таким камнем на душе? Хватит с нее смертных грехов.

На крыльце графского дома она остановилась, глубоко вздохнула, восстанавливая сбившееся дыхание, и несколько раз уверенно стукнула бронзовым дверным молотком. Дверь тотчас распахнулась, и ливрейный лакей, исполнявший обязанности привратника, окинув ее бесстрастным взглядом, равнодушно выговорил:

– Графиня не принимает! – в его тоне сквозило едва слышимое пренебрежение вкупе с укором: и носит же всяких по ночам.

– Я к графу, а не к графине, – выпалила поздняя посетительница. – Это очень срочно! Дело безотлагательной важности!

– Граф Холлт тем более никого по ночам не принимает, – лед вкупе с ядом сочился даже не с языка лакея, а из всех его пор, он явно принял Мелисси за особу определенного сорта. – Да и днем тоже.

Он попытался закрыть дверь, но опытная женщина поставила ногу в притвор, мешая ему. Твердо глядя в глаза высокомерному слуге, угрожающе прошипела:

– Хорошо. Сделаем так, – вы немедленно, слышите, немедленно! – отдаете графу это письмо в собственные руки. И уверяю вас, любая задержка вам очень дорого обойдется. Я буду ждать ответа здесь.

Лакей был опытным и ушлым. Угроза этой настойчивой женщины не показалось ему блефом. Кивнув, он взял из ее руки свернутый листок, осмотрел вскрытую печать с оттиском графского герба.

Заинтригованный, отнес послание наверх и замер перед закрытыми дверями. В гостиную, где граф проводил время с семьей, хода ему не было: туда в экстренных случаях допускались только служащие рангом повыше, мажордом, который уже ушел в опочивальню из-за своего весьма преклонного возраста, да личный секретарь графа.

Послушав взрывы громкого смеха, доносившиеся из-за двери, быстро прошел в кабинет допоздна работавшего секретаря, сказал о настойчивой женщине, ждущей ответа на улице, и ее таинственном письме.

По-домашнему сидевший в одной рубашке Фелис неохотно отложил перо, взял поданное ему письмо, зачем-то его понюхал, поскреб восковую печать ногтем, удостоверился в ее подлинности и только тогда, надев кафтан, поспешил в гостиную.

Там, приблизившись к главе семьи, осторожно сказал ему на ухо пару слов. Тот помрачнел и тотчас вышел.

– Какое срочное послание? – озадаченно спросил он у секретаря.

Тот подал ему сложенный лист с остатками именной печати. Граф дрогнувшей рукой принял письмо, открыл его и прочел. Потом откинул голову назад, горестно зажмурился и что-то прошептал. Единственное слово, которое расслышал Фелис, было «брат».

После этого граф приказал немедля оседлать ему коня, торопливо накинул плащ и выбежал на крыльцо. Там, закутанная с ног до головы в темную накидку, стояла женщина, судя по гордой осанке, еще молодая. Он наклонился к ней и спросил:

– Так это вы хозяйка «Пряного ветра»?

Женщина молча поклонилась в знак согласия.

– Откуда вы знаете моего брата? Где он? – граф волновался, получив от брата единственную весточку за столько лет.

– Это долгая история, мой граф. И старая. – Мелисси нервно мяла в руках конец накидки. – А нам нужно спешить. Воспитанница вашего брата, Амирель, в беде. И спасти ее можете только вы. Мне это не под силу.

Грум подвел к графу оседланного коня. Из двери робко выглядывал ливрейный лакей, из окна второго этажа высматривал озадаченный Фелис. Под недоуменными взглядами слуг Холлт вскочил в седло, протянул руку женщине и усадил ее перед собой.

До площади они домчались за пару минут и еще издали услышали возбужденные крики. Бушевавшая там толпа жаждала крови. Отовсюду слышались пьяные возгласы:

– Это колдунья! Ее слушался дикий бешеный медведь! Он бросил свою добычу и убежал! Она остановила бьющую ручьем кровь и залечила страшные раны девчонки, отняв ту у смерти! На костер ее! Сжечь колдунью!

Спешившись, граф бросил поводья болтающемуся поблизости бедно одетому парнишке и велел ждать, когда вернется. Сам принялся протискиваться сквозь гомонящую толпу, с досадой ворча про себя:

– Жалкое помойное быдло! Никакой благодарности за собственное спасение! Как же я их презираю!

Мелисси пробиралась вслед за ним, стараясь не отставать. Она смотрела на горевшие одинаковой злобой лица окружающих и не понимала, как можно быть такими зверьми. Ведь Амирель им ничего дурного не сделала! Наоборот, избавила от опасности. Неизвестно, кого б еще задрал разъяренный зверь, если б не она.

Пробравшись в центр площади, к помосту, они увидели обессилено сидящую на земле Амирель в окровавленном платье, с надвинутым на лицо капюшоном, и стоявших кругом нее

стражников, копьями сдерживающих напиравшую толпу. Ни спасенной девочки, ни ее матери не было видно.

Граф оглянулся вокруг и, наклонившись к Мелисси, предупредил:

– С огромной толпой, настроенной столь враждебно, мне не сладить. Людей слишком много, они возбуждены и агрессивны. Они жаждут продолжения потехи, им нравится смотреть на кровь и смерть, особенно мучительную. – Хоттл с презрением оглядел вопившую чернь. – Я сейчас прикажу запустить дьявольский огонь, хотя он назначен на час позже, а вы не зевайте! Пока народ очухается, вы успеете отвести Амирель к моему коню. Подождете меня возле него, я скоро буду. Завтра утром я с семьей уезжаю обратно в замок и захвачу Амирель с собой, а вы соберите ее вещи и принесите с утра пораньше к калитке в моем парке. Если у нее вещей нет, обойдемся и без них. Хотя это будет труднее, ведь показывать портнихе ее будет нельзя. Но я что-нибудь придумаю.

Подбираясь поближе к помосту, Мелисси уверила его:

– Вещи у нее есть, я соберу и принесу, главное выручить ее отсюда.

Он кивнул ей и повелительно махнул рукой кому-то в окне ратуши. Скоро над площадью расцвел огромный огненный цветок, то и дело озаряясь золотыми всполохами. Народ ахнул и затих, не в силах оторвать глаза от неба. Что делается внизу, никто не замечал.

Мелисси подскочила к сидевшей на земле безучастной ко всему Амирель, схватила за руку и потащила за собой. Вскинув голову и узнав, кто это, девушка подхватила подол длинного платья и побежала рядом что было сил.

Выбежав из толпы, они остановились возле коня. Парень, сторожившй его, тоже стоял, задравши голову и приоткрыв от изумления рот, не замечая ничего вокруг.

Мелисси вытащила из его руки уздечку, вместо нее сунула в ладонь медяк. Он рефлекторно его сжал, даже не поняв, что случилось.

Торопливо подошел граф. Окинув сумрачным взглядом окровавленный наряд Амирель, напомнил Мелисси:

– Действуем, как договорились, – легко вскочил в седло, подтянул к себе девушку, посадил перед собой и пустил коня галопом.

Остановил его не перед домом, а, объехав небольшой парк, натянул поводья подле незаметной калитки в парковой ограде. Спешился, снял с луки Амирель. Открыл калитку спрятанным под большим камнем ключом, провел ее в небольшую сторожку.

Зажег толстую восковую свечку, осветившую небольшую чистенькую комнату с полукруглым диванчиком возле стены и столом посредине.

– Располагайтесь пока здесь, Амирель, завтра я смогу устроить вас в своем поместье с большими удобствами. Вы устали и измучились, но я все-таки спрошу, не могу удержаться: где мой брат?

Еще не веря, что она в безопасности, и орущая толпа осталась позади, девушка ответила слабым неверным голоском:

– Он дроттин маленького храма в нашей деревне. – И неуверенно добавила: – Но мне кажется, он умер.

Граф медленно провел задрожавшими ладонями по лицу.

– Умер? Я столько лет его искал, чтоб посмотреть в родные глаза, а он умер? Когда? – из его груди вырвался горестный вздох.

Амирель с сочувствием посмотрела на него.

– Подлинно сказать не могу. Наверное, еще зимой. Мне так показалось. Знаете, я о нем как-то вспомнила, и на душе стало грустно-грустно, подумалось, что его уже нет. – Заметив, как помрачнело лицо графа, протараторила: – Может быть, я и ошибаюсь, точно я ничего не знаю…

Скинув с головы капюшон и сняв накидку, Амирель повернулась к Холлту, и тот враз напрягся. Потом взял со стола подсвечник, понес его к ее лицу. Блики от свечи играли на стенах, придавая комнатке нечто зловещее.

Ее синие глаза от света близкой свечи стали еще ярче, неестественно заблестев.

Граф поставил свечу на стол и подтянулся, как перед лицом нешуточной опасности.

– В вас течет древняя кровь нашей королевы! Брат написал, что прятать вас очень опасно, но не объяснил, насколько.

Амирель вздрогнула и потянулась за накидкой.

– Я сейчас уйду, не беспокойтесь, – ее голос звучал с безнадежной покорностью судьбе. – Я понимаю, вы слишком многим рискуете, пряча меня у себя.

Он остановил ее взмахом руки.

– Оставайтесь, прошу! Я не такой трус, как вы решили. К тому же я обязан выполнить последнюю волю брата. Если бы не он, у меня бы ничего не было.

Амирель вопросительно взглянула на него, и он пояснил:

– Я всю жизнь любил Карину, свою жену. А ее выдавали замуж только за главу рода, ведь она дочь герцога. Узнав об этом, мой старший брат, будучи графом, сделал так, что главой рода Холлт стал я. А сам исчез. И найти его я не смог, как ни искал. И только теперь узнал, где прятался столько сделавший для меня брат. И пусть он умер, я все равно съезжу туда. Хотя бы для того, чтобы удостовериться в его смерти и, по возможности, привезти прах, чтоб похоронить его в родовом склепе, как и должно. – Это прозвучало как клятва. – Такую малость я обязан для него сделать.

– Он был замечательным человеком. И научил меня почти всему, что знал сам, без него бы я была полным ничтожеством… – Амирель всхлипнула и тут же крепко сжала губы, не желая казаться слабой.

– Не плачьте, если он мертв, мы уже ничего сделать не можем! – поспешно утешил ее граф, как и большинство настоящих мужчин, не выносивший женских слез. – Лучше скажите, что произошло на ярмарке. Когда я шел через толпу, слышал самые нелепые слухи.

– Что я прогнала медведя и вылечила девочку? – вздохнула Амирель и подтвердила: –Так оно и было. Мелисси предупреждала меня, что мне нельзя показываться людям, но бросить малышку на растерзание обезумевшему медведю я не могла. Да и его в городе оставлять было нельзя. Он оголодал и рассвирепел. Если б я не вмешалась, жертв было бы гораздо больше.

Холлт помедлил, все более мрачнея, понимая, во что ввязывается. Потом низко поклонился, как поклонился бы члену королевской семьи, и предложил:

– Ложитесь спать, Амирель. Утром хозяйка «Пряного ветра» принесет ваши вещи, и мы немедленно покинем город. Думаю, завтра здесь будет очень неспокойно, исчезнувшую колдунью будут искать все горожане, ведь эмиссар тайного королевского сыска наверняка объявит за вас большую награду. На меня никто не подумает, но лучше не рисковать. Эмиссары тайного сыска весьма пронырливы, а я и без того в опале у нынешнего короля, он мне не доверяет, и не без причины. Не стоит привлекать внимание к моей семье, особенно теперь, когда вы на моем попечении. Кто-то видел ваше лицо? Знает, что вы королевской крови?

– Если только малышка, что я вылечила, да ее мать, она стояла на коленях рядом со мной. Потом я накинула капюшон и ни на кого больше не смотрела.

– Хорошо, будем надеяться, что мать с дочерью не проговорятся, хотя бы из благодарности. Но, может быть, вы голодны? Мне принести для вас еду?

После ее уверения, что она не хочет есть и вполне подождет до завтра, граф вышел. Амирель закрыла за ним дверь на засов. Не снимая грязное платье, упала на небольшой диванчик, укрылась лежавшим в ногах грубоватым шерстяным пледом. По сравнению с роскошной кроватью, на которой она спала в «Пряном ветре», ложе казалось узким, жестким и неудобным, но она была рада, что она здесь, в безопасности, чудом вырвавшись из лап кровожадной толпы.

В ушах все еще звенели вопли разъяренного полупьяного быдла, требовавшего ее сожжения на костре. И за что? За то, что она избавила их от разъяренного зверя? Или за то, что спасла ребенка от неизбежной смерти?

Может, им просто хотелось кровавого зрелища? Ведь ничего более возбуждающего, чем боль и смерть выбранной жертвы, не бывает.

Слезы подступили к глазам, грозя пролиться в любой момент, но Амирель приказала себе не ныть. Она сама во всем виновата! Ведь убеждала ее Мелисси не ходить на эту злосчастную ярмарку, предупреждала, что это может быть очень опасно! Не послушалась, вот и получила!

Если б не стражники, защитившие от мужиков, желавших ее смерти, от нее бы и клочка не осталось.

Она поежилась, сердясь на саму себя. Может быть, ей не стоило бояться, а нужно было просто приказать всем о ней забыть? Смогла же она отправить восвояси того бандита, что приставал к ней? Но с ним она разозлилась, а возбужденной толпы испугалась.

Может или нет она усмирить столько жаждущих ее крови людей? Или это могла делать только королева Лусия, да и то с помощью волшебного камня? Учитель постоянно твердил ей, что нужно быть уверенной в себе и своих приказах, а она не в силах это сделать, страх оказывается сильнее.

Амирель попыталась представить себя в образе отважной девы-воительницы из старинных легенд, нарисованной в книгах наставника, той, что одним своим взглядом разгоняет шайки разбойников. Не получилось. При одной только мысли о вооруженных злодеях у нее в животе начинало что-то мелко дрожать.

Нет, героини из нее не выйдет, на это у нее попросту смелости не хватит. В минуту смертельной опасности ей даже в голову не пришло приказать толпе разойтись, вместо этого она испугалась и съежилась в жалостный комочек.

Какое счастье, что Мелисси не растерялась и успела вовремя позвать на помощь графа Холлта! Вот он действительно благородный человек и спасти ее смог, и спрятать обещал. Жена у него тоже очень красивая и добрая. Может быть, они смогут ей помочь?

Но здравый смысл тут же глумливо вопросил: а как они смогут ей помочь? Глаза ей поменять? Или, может, выткнуть их? Чтоб уж наверняка?

Амирель резко села на диване, обхватила руками голову и застонала в полный голос. Безысходность накрыла душной волной. Ей суждено всю жизнь прятаться, скрываться и от друзей, и от врагов, другого не дано. Проще спрыгнуть с утеса на острые голые камни и прекратить свою никчемную жизнь. Все лучше, чем бедовать, как она, да еще и приносить несчастье тем, кто ей помогает.

Ведь если эмиссары тайного королевского сыска узнают, что колдунья столько времени жила у Мелисси, то их обеих могут сжечь на костре. Или ее сжечь, а Мелисси повесить, хотя толпа не наслаждается этим так, как сожжением.

Она проворочалась всю короткую ночь, так и не найдя покоя. Ранним утром раздался стук в дверь. Осторожно спросив «кто там», услышала обнадеживающее:

– Мелисси.

Тут же вскочив, Амирель понеслась открывать. Хозяйка втащила в сторожку огромный баул и стряхнула с лица пот.

– Ну и тяжесть! Пришлось запрягать коня и везти это барахло в возке, причем запрягать самой, пока конюх спал, чтоб не было лишних подозрений. А здесь уж я доволокла сама. – На несмелый укор Амирель, что ее нужно было разбудить, и они бы донесли баул вместе, только отмахнулась. – Хорошо, что после ярмарки все еще сидят по домам, на улицах пусто, да и у Холлтов спят и хозяева, и слуги. Меня никто не видел, а то бы спрашивали, кто я, что здесь делаю. А что отвечать, я не знаю. – Она с грустной улыбкой посмотрела на девушку: – Как ты?

– Хорошо. – Амирель хотелось броситься ей на шею, но постеснялась. Кто она такая? Обуза, из-за которой можно и жизни лишиться.

– Я так за тебя испугалась, – Мелисси зажмурилась, вспомнив ночной кошмар. – До сих пор коленки дрожат. Нам еще повезло, все сложилось удачно. Причем для всех. Кстати, мать той малышки, что ты спасла, поклялась, что ты не колдунья, а целительница и никому не хотела зла. Про твои синие глаза она не сказала. – И предположила, сама себе не веря: – Так что, возможно, тайный королевский сыск и не станет вмешиваться.

Амирель затрясла головой.

– Мелисси, с каких это пор ты стала верить в добрые сказки? Сама ведь мне говорила, что жизнь злая и нужно быть постоянно настороже, потому что не знаешь, откуда выскочит очередная пакость?

Та невесело рассмеялась и порывисто обняла ставшую ей родной девушку. Та обхватила ее руками в ответ и прижалась, как в детстве к матери. Расставаться не хотелось, но Мелисси оторвалась от Амирель и ласково погладила ее по светлым волосам.

– Мне пора, малышка. Не забывай меня! – попросила с горечью. – Если что-то вдруг понадобится, я всегда постараюсь тебе помочь. Смогу или нет, не знаю, но постараюсь обязательно. Верю, что у тебя все будет хорошо, и ты обязательно станешь нашей королевой. – Увидев неверяще-потрясенное лицо Амирель, добавила: – Если не у нас, то где-нибудь еще – обязательно!

Еще раз до боли сжав ее в объятиях, она всхлипнула, опустила руки и быстро убежала, стесняясь своих слез.

Возле калитки ее уже поджидал граф Холлт в строгом темно-сером суконном кафтане без галунов, похожий в нем на зажиточного купца.

– Доброе утро, Мелисси. Я вижу, вы уже привезли вещи Амирель? Быстро вы управились. Я думал помочь, но вы меня опередили.

– Да, мой граф, вещи я привезла… – Мелисси неблагородно шмыгнула носом. – Простите, что-то я разнюнилась.

– Я вас понимаю. Расставаться с дорогими сердцу людьми всегда больно. Но вы будете знать, что с вашей подругой все хорошо и когда-нибудь сможете увидеть ее снова. – Лицо графа дышало скорбью, и Мелисси догадалась, что он подумал о старшем Холлте. Она не ошиблась, потому что он предложил: – Давайте немного поговорим о моем брате. Как вы с ним познакомились?

Мелисси жестом пригласила его присесть на широкую скамейку, спрятавшуюся под сенью раскидистого вяза. Они сели рядом, сохраняя между собой вполне пристойное расстояние. Хозяйка гостиницы принялась нервно теребить подол накидки, граф терпеливо ждал, когда она успокоится и начнет рассказ.

– Простите меня, это неприятные воспоминания, – она не могла поднять на него глаз. – После гибели единственной дочери…

– У вас погибла дочь? – сочувствующе переспросил граф. – Мне очень жаль. Меня чаша сия миновала и, надеюсь, минует. Но я представляю, что это такое – терять собственное драгоценное чадо.

Мелисси благодарно кивнула и повторила:

– После гибели дочки я просто сошла с ума. Я вытворяла такие вещи, о которых мне не только говорить, вспоминать стыдно. И еще я связалась с разбойниками. С теми, для которых душегубство – обычное дело, приносящее доход, вроде законной торговли. И убивали они не для того, чтобы выжить самим, нет, они все уже достаточно награбили, чтоб жить безбедно, а для удовольствия. Им нравилась чужая боль, страдания, они любили мучить свои жертвы. Я сама не помню, как очутилась среди них.

Граф вспомнил разбойничью шайку, орудовавшую на его землях с десяток лет назад. Свидетелей после ее нападений не оставалось, только растерзанные трупы. Уничтожены душегубы были его сенешалем после долгого выслеживания и сопротивлялись отчаянно, смертникам терять было нечего.

Неужто эта женщина причастна к разбою? Тогда по долгу властелина этих мест он обязан ее арестовать и передать тайному королевскому сыску. Но он не видел в этом никакого смысла, ведь с той поры минуло много лет, к тому же эта женщина была ему симпатична. Вот за это король его и недолюбливал: он делал все по-своему, руководствуясь своим чувством справедливости, а не косными законами королевства.

– Сколько лет я была любовницей предводителя, не знаю. Я жила в какой-то непрерывной кровавой тьме, – продолжала она грустный рассказ. – Я не убивала сама, но много раз видела, как убивает он. И ни разу не вступилась за несчастных. Мне было все равно, что делается вокруг.

Склонив голову, Мелисси прикусила губу до крови. Воспоминания рвали сердце. Продолжила она с тяжким вздохом:

– Как-то раз мы захватили один из постоялых дворов в небольшой деревушке на тракте. Народу там было мало, доходов, по сути, никаких, и Кровавый, – так звался мой любовник, – разозлившись, приказал убить всех, кто там был – от хозяина с семьей до прислуги. Я ушла наверх, в комнаты для постояльцев, мне не хотелось слышать предсмертные вопли. И в первой же комнате я встретила немолодого усталого мужчину в сером одеянии храмовника с удивительно добрыми глазами.

– Моего брата? – быстро спросил граф, повернувшись к ней.

– Тогда я еще не знала, кто он. Просто дроттин одного из небольших храмов, что полно раскидано по нашим деревушкам. Он спросил у меня, что случилось, отчего у меня такое странное выражение лица. Он сказал это так приветливо и открыто, что у меня сами собой побежали слезы, и я рассказала ему все. И про предателя-мужа, и про смерть его самого и его любовницы с ребенком, и про гибель своей милой дочурки. Он выслушал меня и не осудил! Мы проговорили с ним почти час, и за это время я будто вынырнула из мрака, в котором жила все последнее время.

Во время этого печального рассказа Холлт поднял голову к ярко-голубому утреннему небу и принялся внимательно следить за пробегающими по нему облачками. Мелисси показалось, что он просто не хотел, чтоб она увидела его подозрительно заблестевшие глаза.

– Брат всегда был очень добрым человеком. И любил людей, какими бы они ни были. В отличие от меня, он считал, что все имеют право на снисхождение. Он всегда был таким.

Хозяйка гостиницы горячо его поддержала:

– Да, только очень добрый человек мог, не осуждая, выслушать историю моей глупой жизни и вывести меня из того кошмара, в котором я жила. Но не успели мы договорить, как в комнату ворвался разыскивающий меня Кровавый. И я новыми глазами взглянула на него. Если раньше я видела в нем лишь настойчивого любовника, то сейчас увидела жестокого душегубца, который мог и меня в любой момент без жалости отправить на тот свет, стоило мне совершить что-то ему не по нраву.

Она замолчала, пытаясь справиться с перехватившим горло спазмом. Граф дернулся было, желая положить руку ей на плечо в знак утешения, но не стал сокращать расстояние между ними. Она заслужила то, что заслужила. В этой истории ему положено карать, а не утешать.

– Увидев меня с настоятелем вдвоем в комнате, Кровавый яростно завопил: «Кто это? И что он делает здесь с тобой?» – и бросился на настоятеля с мечом наизготовку. Я кинулась между ними. Он хотел отодвинуть меня в сторону, крича: «Я убью его, а потом тебя, жалкая

шлюха!», но я ухватилась за меч и не отпускала его. Острие прорезало мне ладонь до самой кости, но я этого даже не заметила.

Она повернула кверху левую ладонь, и граф увидел огромный багровый рубец, пересекавший всю ее поверхность.

– Как же вы работаете этой рукой? – его ужаснул страшный рваный шрам, столь неуместный на нежной руке женщины.

– Мне повезло, сухожилие хоть и было задето, но не порвано до конца. – Мелисси угрюмо посмотрела на свою ладонь и сжала ее в кулак, скрывая рубец. – Рука зажила, но неправильно, и мне пришлось упорно ее разрабатывать, чтоб она начала двигаться, пусть и не так, как прежде. Она уже никогда не будет здоровой, но все-таки я не калека. – И она вернулась к своему печальному повествованию: – У настоятеля не было оружия для обороны, но он схватил тяжелый стул и опустил его на голову разбойника. Тот упал. Вырвав у него меч, я раскроила ему горло, но поздно – он успел проорать своим подельникам, чтоб шли наверх. Нас бы наверняка убили, если б с улицы не послышались звуки сражения. Потом я узнала, что это подоспели стражники графа Холлта, выслеживающие шайку. Ваши люди, граф.

Холлт кивнул.

– Я помню. В ту бойню я потерял троих. Шайка была большой и хорошо вооруженной. И сражались мерзавцы до последнего.

– Это так. Что им было терять? У них была только одна дорога – в петлю. – Мелисси, как тогда, покорно склонила голову, безропотно принимая свою участь: – Я тоже приготовилась к смерти, когда в комнату зашел воин в тунике с вышитыми золотом геральдическими знаками графов Холлтов, наверное, главный у стражников. Увидев меня, он сказал: «Ты, ведьма, пойдешь с нами!». Я, не возражая, протянула, руки, чтоб мне их связали, но тут вперед выступил дроттин. Он сказал, что я прихожанка его храма и еду с ним в Холлтбург по делам предстояния. А на нас напали разбойники, и что я, защищая его, собственными руками убила главаря, но была сильно ранена.

– Так мой старый сенешаль видел брата! – не утерпев, граф зло хлопнул кулаком по сиденью. – А мне он ничего не сказал, хотя прекрасно знал, что я его отчаянно ищу! Вот ведь собака! – ему хотелось выразиться сильнее, но, взглянув на сидевшую рядом женщину, сдержался, лишь раздраженно пнув ногой воздух.

– Да, они знали друг друга, – подтвердила Мелисси, – потому что, едва завидев настоятеля, сенешаль ему низко поклонился. Потом недоверчиво посмотрел на меня, явно не веря его словам, но возражать не решился. Лишь заметил, что моя рука сильно изранена, и мне нужна помощь. Тогда дроттин оторвал кусок от льняной простыни, лежавшей на постели, и замотал мне ладонь. Болела она сильно, но я этого почти и не замечала. Дроттин приказал сенешалю, чтоб о нашем присутствии на месте последнего нападения разбойничьей шайки тот никому ничего не говорил, якобы для того, чтоб случайно оставшиеся в живых разбойники не смогли найти и отомстить. Сенешаль нехотя это пообещал, и мы с дроттином беспрепятственно уехали.

– Так вот почему Аллос ничего мне не говорил! А я-то на него разозлился. Выходит, зря. Он всегда держал данное им слово, не человек был, а кремень. Если мне уж и нужно на кого сердиться, так это на моего собственного брата, отдавшего такой оскорбительный для меня приказ. Это ведь он со мной не хотел встречаться.

Мелисси заинтересованно посмотрела на него.

– А почему ваш брат ушел из дома и не захотел больше с вами встречаться? Вы поссорились?

Граф поморщился, вспоминая былое.

– Можно сказать и так. Он с таким трудом добился у короля передачи титула мне, а я отказался его принимать. В то время мне было просто стыдно. Казалось, я, как жалкий

воришка, присваиваю не принадлежащее мне имущество. Тогда брат просто ушел, сказав мне на прощанье, что больше я его никогда не увижу. Через полгода мне все равно пришлось принять титул, в графстве без правителя начались волнения, нужно было наводить порядок. Но что с вами сталось дальше?

– Ничего особенного, – Мелисси протянула перед собой сжатую в кулак изуродованную руку и медленно, по одному, разжала пальцы. – После встречи с вашим братом я смогла жить если и не так, как жила прежде, до встречи с Кровавым, но более-менее спокойно. Продав все свое имущество в городе, где жили мои родные, и где я совершила столько дурного, купила большой дом на одной из главных улиц Холлтбурга и переделала его в гостиницу. Не потому, что мне было не на что жить, а чтоб у меня появилось хоть какое-то занятие, от безделья мне становилось дурно.

– Но вы виделись с братом еще раз, ведь откуда-то он узнал ваш новый адрес? – граф чуть поджал уголки губ, думая, что будь он чуть-чуть понастойчивее, то вполне мог найти его, ведь в Холлтбург частенько приезжали дроттины из окрестных деревень, входящих в его графство.

Мелисси кивнула.

– Да, я еще раз встретила настоятеля, когда ездила на север за рыбой для своей кухни, тогда-то и рассказала ему, где осела. И поклялась, что за свое спасение буду должна ему всю свою жизнь и выплачу долг по первой его просьбе. Полгода назад ко мне пришла Амирель и отдала послание, которое вы прочли. Остальное вы знаете. – Она прямо посмотрела на него и спросила: – Вы меня осуждаете?

Граф помолчал, мерно кивая головой, то ли о чем-то сожалея, то ли запоминая сказанное. Молчание затягивалось, и Мелисси подумала, что напрасно так открылась, ведь нельзя забывать, что граф должен поддерживать порядок на своих землях. И что здесь он верховный судья, обязанный покарать ее по заслугам.

Но он встряхнулся, будто сбросил с себя тяжкий груз, и сказал:

– Нет, не осуждаю. Если б я встретил вас прежде, в разбойничьей шайке, да еще и подружкой ее предводителя, то, естественно, обязан был бы вас наказать, и наказать сурово. Но теперь, через столько лет, во время которых вы вели вполне достойную жизнь, не вижу в этом смысла.

Мелисси с облегчением откинулась на спинку скамейки.

– Спасибо! Я очень боялась, что вы скажете другое. Я виновна, я знаю. Надеюсь, что я все-таки смогу хоть немного исправить тот вред, что нанесла другим людям. – Она моляще приложила сжатые руки к своей груди: – Будьте бережнее с Амирель. Она совсем еще ребенок, наивный и восторженный. Ответственность, пришедшая к ней с королевской кровью, для нее слишком велика. Ей нужно повзрослеть, и, желательно, без потрясений.

Хоттл уважительно склонил голову.

– Это я уже и сам понял. Она сущее дитя, верящее в доброту людей, несмотря ни на что. Я сделаю все возможное, клянусь вам. Думаю, ее ждет великая судьба. Но для этого ей нужно вырасти, вы правы. И напоследок, – почему вы не попросили Амирель вылечить вашу руку? Или она пыталась, но у нее не получилось?

Мелисси отрицательно затрясла больной ладонью.

– Я не просила ее об этом. Не хочу залечивать руку. Знаете, когда шрам зверски ноет в непогоду, это хорошее напоминание о сделанных в прошлом глупостях и повод задуматься о будущем.

Не возражая и не соглашаясь, граф поднялся, давая понять, что разговор окончен. Чопорно попрощался с гостьей, проводил ее до возка, распутал привязанные к кусту вожжи, учтиво подал их ей, проследил, насколько хорошо она правит, и вернулся обратно.

Вытирая кулачками непрерывно льющиеся по щекам слезы, Амирель скорбно вздыхала. Как тяжело расставаться со ставшими ей родными людьми, и как часто в последнее время ей

приходится это делать. Судьба ли это, или невезение, вызванное ненужной ей королевской кровью? Она не знала.

Солнце уже поднялось над горизонтом, окрасив его в розоватый цвет, когда в сторожку осторожно постучал граф Холлт. Едва она открыла дверь, предупредил, не заходя внутрь:

– Мы выезжаем. За вами сейчас зайдет мой личный камердинер. Он верный человек, но лицо свое вы ему на всякий случай не показывайте. Пусть думает, что хочет. Не узнает, кто вы, так и не проговорится. Вы с ним поедете в закрытой карете. По приезде в мой родовой замок он устроит вас в домике младшего садовника, тот как раз сейчас пустует. Дом стоит на самом краю парка, от замка до него далеко, зато там никто не бывает. Он небольшой, даже маленький, но все нужное для жизни там есть. Надеюсь, вам в нем будет удобно. Пока поживете в нем, потом что-нибудь придумаем.

Он вышел. Амирель вернулась к давно набившей оскомину мысли: и что тут можно придумать? Людям ей все равно показываться нельзя.

Едва граф ушел, снова раздался стук, на этот раз громкий и требовательный. Выглянув в окошко, Амирель увидела стоящего на крылечке немолодого сухопарого человека в графской ливрее. Едва она в своей темно-синей накидке с надвинутым до носа капюшоном появилась на пороге сторожки, на лице камердинера промелькнула брезгливая гримаса, тут же сменившаяся нарочитым безразличием.

Старый слуга был уверен, что граф дорожит графиней и изменять ей не станет. Но, похоже, отсутствие наследника сделало свое черное дело, и господин все же завел себе полюбовницу.

Камердинер не осуждал графа. Возможно, тот и не разлюбил жену, но решил-таки подстраховаться. Если появится бастард, это уже будет хорошо. Тогда мэнор не отойдет ни дальним родственникам, ни короне. И о графине, да и дочерях, если те вдруг по какой-то причине не выйдут замуж, будет кому позаботиться. Все-таки главой рода станет их брат, пусть и единокровный.

А если графиня сподобится-таки подарить мужу наследника, то бастард получит небольшую часть отступных, и всё на этом.

Но на эти крамольные мысли старый слуга не намекнул ни словом, ни взглядом. Прекрасно знал, что граф, несмотря на всю свою доброжелательность, не прощает ни предательства, ни бездумных ошибок.

Вынес за закутанной с ног до головы девицей ее весьма увесистый баул, привязал на запятки данной ему дорожной кареты, устроил графскую подругу на мягкие подушки внутри, сам запрыгнул на высокие козлы к кучеру.

Кучер, в такой же ливрее, что и камердинер, дернул вожжи, понуждая четверку вороных с ходу перейти на крупную рысь. Покосился на своего спутника в ожидании пояснений, кого это они везут с такой помпой, но тот упорно молчал.

– Это кто там? – не выдержал кучер, проехав полдороги.

Закутанную с ног до головы фигуру он разглядел, но кто это был, не понял. Любопытство грызло, не давая покоя, вот он и не выдержал, хотя знал, что спрашивать о таком не полагается.

Камердинер сердито на него посмотрел. Ему и без того не нравилось поручение графа, да еще этот олух лезет с дурацкими вопросами.

– Тебе какое дело? Велено везти, вот и вези.

Кучер сразу сделал резонный вывод – там едет чья-то полюбовница. А поскольку она может быть только у графа или его секретаря, из слуг никто своих подружек, да еще в графской карете, возить не посмеет, то нужно держать ушки востро.

Ладно, если это секретарь балуется, ему можно, он не женат, а вот если полюбовницу завел граф, то худо дело. Графиня нравится всем, она и домовитая, и заботливая, и хозяйка

отменная, и к слугам снисходительная. А что одних дочек рожает, то это во всякой семье случиться может. Она и сама, бедолага, как переживает-то!

Подъехав к длинному ряду одинаковых домиков для слуг, высадил и камердинера, и неизвестную девицу. Увел карету на конюшню, выпряг коней и замаялся от вынужденного молчания. Знал, что сплетни распускать нельзя, выгонят вмиг, не посмотрят на долгую беспорочную службу, но как тут утерпишь? Но решил держаться до последнего, в надежде что первый прознает про девицу кто-то другой, начнет разговор, а вот уже тогда и он вымолвит свое весомое словцо.

Камердинер первым делом завел свою спутницу в принадлежавший ему дом. Выйдя наружу, проверил, нет ли кого поблизости. Убедился, что вокруг пусто и графскую полюбовницу никто не увидит, велел ей дожидаться его здесь, никуда не высовываясь.

Забежал в замок с черного хода, попросил у престарелой, плохо слышавшей ключницы ключ от домика младшего садовника. Та, даже не поняв, что у нее просят, протянула ему всю связку. Выбрав тот, на котором было написано «младший садовник», он снял его с веревки и вернулся к поджидающей его девице. Повесил баул на спину и, согнувшись под его тяжестью, повел Амирель к ее новому жилью.

Дом был выстроен в самой глубине парка, неподалеку от задней калитки, к которой вела узкая объездная дорога. По весне по этой полузаброшенной дороге садовнику привозили то, что было нужно для работы в парке – саженцы деревьев или рассаду цветов. Но в последнее время этим путем почти не пользовались.

Быстрым шагом они добрались до домика за полчаса. Идя по давно не чищеным дорожкам, заваленным полуспревшими еще прошлогодними листьями и сучьями деревьев, девушка устала. Она ослабла после полугода жизни практически взаперти, и сама понимала это.

Надеясь, что здесь ей можно будет гулять, сколько захочется, с удовольствием рассматривала окрестности, вдыхая свежий воздух. Чем дальше они шли, тем сильнее чувствовалось запустение. Ухоженная часть парка с фонтанами и изысканными клумбами неуклонно сменялась разросшимися непролазными кустами и стоящим стеной бурьяном, как в заброшенном поле у нерадивого хозяина.

Но Амирель это вполне устраивало – чем заброшеннее та часть парка, где ей предстояло жить, тем меньше людей будет здесь ходить, и тем спокойнее она будет себя чувствовать.

Немолодой камердинер шел все медленнее и медленнее, тяжело дыша, стирая пот со лба и проклиная про себя полюбовницу, которую велено никому не показывать. Если б не приказ графа, велевшего, чтоб никто не видел, где она будет жить, он бы спокойно довез ее в карете до самого домика и не мучился, таская ее неподъемные пожитки.

Наконец в самом конце заброшенной аллеи, почти перед чугунной оградой парка, показался приземистый домик из красного обожженного кирпича и красной же черепичной крышей.

Немолодой слуга вытащил из кармана приготовленный ключ и открыл тяжелую дверь. Та неприветливо заскрипела. Поморщившись, он пообещал как следует смазать петли и пропустил вперед новую обитательницу домика.

Амирель зашла внутрь, глядя вокруг восторженными глазами. Наконец-то у нее будет хотя и временное, но свое жилье!

Домик оказался небольшим, всего на две комнатки, но очень удобным. Начинался он с выбеленной известкой кухоньки с внушительной плитой, посудой в лакированном деревянном шкафу и висевшими на вбитых в стену крюках медными кастрюлями. За кухней шла умывальня со всем необходимым, потом две комнатки, в шкафах которых оказалось постельное белье и даже кой-какая одежда, правда, мужская.

– Графиня поддерживает в домике порядок, все надеется нанять младшего садовника, – пояснил ходивший за ней следом камердинер. – Но вот только старшему садовнику кого в

помощники ни позови, никто не подходит. Он у нас капризный, все не по нему. Парк он запустил, все жалуется, что сил у него на такую огромную площадь с двумя помощниками не хватает, а сам брать никого не хочет, от всех нос воротит. Если б ему граф не попустительствовал за былые заслуги, такого безобразия бы не было.

Почему-то Амирель показалось, что эти слова были сказаны не просто так, а с непонятным ей намеком, и она ждала пояснения от своего не слишком любезного сопровождающего. Но тот лишь предложил, ничего не объясняя:

– Устраивайтесь, как вам будет удобно. Если что-то понадобится, скажете мне вечером, я зайду, принесу вам продуктов на первое время. Потом буду приходить каждый вечер, как стемнеет. Чаще не смогу, заметят. – Спохватившись, с гордостью представился: – Да, зовут меня Никол, я личный камердинер графа.

Едва склонив голову на прощанье, он ушел, не соизволив узнать ее имя. А зачем? Подстилка – она подстилка и есть, как ее не называй. Конечно, для графа это суровая необходимость, обеспечить род Холлтов наследником его святой долг, с этим никто не спорит, но это не повод, чтобы с уважением относиться к его полюбовнице.

Амирель даже не подозревала, что камердинер думает о ней столь плохо. Радуясь, что ее крайне неприятное приключение на ярмарке благополучно закончилось, она принялась обустраиваться на новом месте. Ей очень понравился уютный домик, и она решила, что с удовольствием прожила бы здесь всю свою жизнь. И тут же осеклась – ведь то же самое она думала и о комнатке в «Пряном ветре»! И как же быстро ей там надоело!

Выглянув в окно, решила, что здесь она так скучать не будет – ведь что мешает ей гулять вволю? Главное, не показываться людям, а для этого не стоит бродить по парку, только и всего. Калитка, мимо которой они прошли, ведет в лес, зверей она не боится, вот и будет ходить там, сколько ей вздумается. Представив, как будет собирать цветы и ягоды, смотреть на небо и подставлять лицо вольному ветру, заулыбалась и принялась хлопотать по хозяйству.

Едва начало темнеть, снова пришел Никол, принес продукты: мясо, яйца, тушку уже разделанной курицы, черный хлеб и различные приправы, среди которых была горчица и тмин, которые она особенно любила. Собиравшая днем поздние ягоды на пригорке вокруг домика, Амирель не особо проголодалась, но за заботу была благодарна. Не поднимая глаз, спросила, где граф.

Вопрос камердинеру не понравился, и он с намеком ответил, что тот дома, отдыхает со своей женой и детьми. Амирель намек не поняла, уяснила лишь, что граф к ней придет попозже.

В силу своей крайней молодости и наивности она не представляла, что их отношения с Холлтом могут быть восприняты окружающими как любовные, поэтому ничуть не волновалось о том впечатлении, которое произвело на окружающих ее здесь появление. Она была уверена, что граф обо всем расскажет жене, и та не станет возражать, чтоб воспитанница ее деверя, которому они все так обязаны, поживет немного в их маленьком домике для младшего садовника. Ведь она будет жить тихо-тихо и никаких хлопот постарается не причинять.

Граф пришел, когда за окном совсем стемнело. Он принес пирожные и конфеты. Окинув мимолетным взглядом дом, отметил и чистоту, и вымытые окна, и вообще ту ауру домовитости и уюта, что возникла с появлением новой хозяйки этого необжитого прежде домишки.

– Смотрю, вы уже успели обустроиться здесь, Амирель? – дождавшись кивка, с сожалением признал: – Жаль, это неподобающее для вас место, здесь тесновато, но пока это все, что я могу вам предложить. Я мог бы отправить вас в один из своих замков, но боюсь, слуги там не так надежны, как хотелось бы. К сожалению, немаленькие деньги, обещанные всем, кто донесет в тайный королевский сыск о появлении человека с синими глазами, стали слишком большим соблазном для слабых душ.

Амирель немного приуныла, но ненадолго. Она устала жить в постоянном страхе. А вот слова графа о неподобающем для нее месте ее насмешили. Это здесь-то неподобающее место? Знал бы он, в какой тесноте она росла!

– Граф, я родилась и выросла в маленькой деревеньке всего-то в полсотни дворов, в большой крестьянской семье, в обычном крестьянском доме, – просветила она его. – В семье нас четыре сестры, и все мы, кроме самой младшей, еще малышки, жили в одной маленькой комнате. А вот братья спали в общей комнате вповалку на полу, все вместе. Так что этот домик для меня одной кажется мне непозволительной роскошью.

Холлт недоверчиво хмыкнул.

– Вот как? Вы из простой крестьянской семьи? Забавно, никогда еще Северстаном не правила королева-простолюдинка. Хотя вас трудно назвать простолюдинкой. Королевская кровь есть королевская кровь, в ком бы она ни проявилась.

Амирель не знала, как ей расценивать его слова о королеве. Как неудачную шутку? Или он имел в виду что-то другое?

– Я не хочу быть королевой, – решилась возразить она. – И прошу вас больше об этом не говорить.

Граф учтиво поклонился.

– Хорошо, не буду. Но от наших желаний или нежеланий в этой жизни ничего не зависит. Особенно если это предназначено судьбой.

– Пусть так, – не стала с ним спорить Амирель. Но все-таки уточнила: – Но что вы имеете в виду, говоря, что можете в моей жизни что-то изменить? Меня ведь просто убьют, когда найдут. – Она даже не осознала, что употребила безнадежное слово «когда» вместо обнадеживающего «если». Смирилась с неизбежностью?

– Да, если найдут не те, кому следует, – и он машинально положил руку на пояс, туда, где должен был висеть меч. – Вы хотите узнать, что я могу изменить? У меня есть небольшая надежда на наследного принца. Он легкомыслен или хочет казаться таковым, любит женщин, но относится к ним плохо, мало занимается государственными делами или только делает вид. Он очень непрост, наш наследный принц Торрен. Надеюсь, он не побоится взять под свою защиту простолюдинку с королевской кровью. Если повезет, он посодействует вашему возвращению в королевский род, хотя это можно сделать только через ваше замужество. Но лучше так, чем жизнь под вечным страхом разоблачения и смерти.

Амирель склонила голову и принялась разглаживать складки на платье, скрывая испуг. Потом неосознанно горделиво вскинула голову и сказала:

– Ваш брат говорил мне о Торрене. Но мне принц показался нехорошим, вернее, недобрым человеком. Хотя я могу и ошибаться.

Граф был в этом с ней солидарен, но постарался донести до нее суровые реалии здешнего мира:

– Среди представителей королевской династии вы добрых людей не найдете, можете и не искать. У них жизнь такая. Им приходится не жить, а выживать. Интриги, покушения, попытки узурпировать власть. Недаром в стране был создан тайный королевский сыск больше трехсот лет назад. Не от хорошей жизни его создал король Леран Второй. На него самого покушались десять раз, и это только по официально зафиксированным в летописях сведениям. А сколько было покушений на самом деле, никто не ведает.

Амирель шокировано вздрогнула и бессильно уронила руки.

– Тогда я тем более не хочу быть королевой. Знать, что в любой момент могут убить или твоего мужа, или твоих детей, или тебя саму – да этого никому не пожелаешь! А почему вы сказали, что меня должен найти именно принц? Какая ему от этого радость? И как это – вернуть меня в семью, да еще королевскую? Кто из них захочет взять жены простолюдинку?

Уставший граф усадил Амирель на стул, и сам сел напротив. Вытянув гудевшие ноги, принялся объяснять:

– Милая Амирель, вы совершенно не понимаете, насколько вы ценная добыча для любого, не только для члена королевской семьи. С вашей помощью самый обычный дворянин, да даже простолюдин, может претендовать на престол.

– Да, я знаю, – уныло кивнула девушка. – По вердикту королевы Лусии я могу попросить камень королевы, и если он меня примет…

Граф решительно ее прервал:

– Да нету этого камня, выдумки все это! А если и был этот загадочный амулет, то он давно утрачен. Или спрятан так, что его никто не найдет, даже сами члены королевской семьи. То, что выдают за амулет королевы, явная подделка. Он вам и не нужен. Вы без всяких там камней управляете животными, лечите смертельные раны и, думаю, можете руководить толпой. Вот если бы на площади вы вместо того, чтобы прятаться от народа за спинами стражников, приказали всем разойтись, вас бы послушались. Разве не так?

– Я не знаю, – растерялась Амирель, припомнив собственные сомнения. – И пробовать не хочу. Толпа безумна, ей невозможно управлять. С одним человеком я еще управлюсь, возможно, и с двумя, но толпы я боюсь.

– И в этом ваша ошибка, – граф с силой шлепнул себя по коленям. – Страх разрушает любое усилие, разве мой брат вам об этом не говорил?

Амирель нехотя кивнула.

– Говорил. Много раз. Но я все равно боюсь. И ничего не могу с собой поделать. Я слишком слабая…

Не выдержав, граф вскочил и раздраженно забегал по маленькой комнатке. Потом остановился перед ней и горячо произнес:

– Хорошо, пусть так. Но, если вы снова попадете в отчаянное положение, вспомните, все в ваших силах. И не бойтесь! Ничего не бойтесь! Твердо помните, вы – законная королева Северстана! Вы, а не кто-то другой! И принцу Торрену очень повезет, если он сумеет привлечь вас на свою сторону. А если не привлечет, ему же хуже.

Амирель не стала возражать, хотя помогать наследному принцу она категорически не хотела. Но граф был слишком взволнован, чтобы рассуждать здраво.

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Холлт сказал:

– Завтра я поеду в вашу деревню, разузнаю, что смогу, о брате. Надеюсь все-таки, что он жив. Что-то нужно передать вашим родным? Они ведь наверняка о вас беспокоятся?

– Их там уже нет. Они уехали в ночь вместе со мной, куда, не знаю. – Она вспомнила Власта, так подло предавшего и ее, и Томса, считавшего его своим лучшим другом, и всех тех, кто жил рядом. – Обо мне там никому ничего говорить нельзя. Там есть доносчик тайного сыска, он тут же все донесет эмиссару.

– И где их только нет, этих мерзких ищеек! Даже в маленьких глухих деревеньках расплодились! – с досадой выговорил граф и принялся размышлять вслух: – Тогда и мое там появление не останется незамеченным. Это плохо. В тайном королевском сыске не дураки сидят. Если им станет известно, что я приехал за телом брата, сразу возникнет вопрос, откуда я об этом узнал. Они начнут копать и наверняка чего-нибудь да раскопают. Мне лучше ехать инкогнито и взять с собой только пару проверенных людей. И быть крайне осторожным, чтоб не привести за собой соглядатая. – Озабочено добавил уже для Амирель: – После приезда я займусь вашим делом, а пока сидите тихо, не высовывая носа. Надеюсь, вы выполните мое пожелание?

Девушка удивилась подобному вопросу. Разве у нее есть выбор?

– Конечно. Это единственное, что я делаю всю свою жизнь, и надеюсь, это у меня неплохо получается, – это прозвучало с излишней ироничностью, и она смущенно потупилась.

Не обративший внимания на ее интонацию граф, торопливо попрощавшись, ушел, а она пожалела, что не расспросила его поподробнее, как он намеревается заниматься ее делом? Рассказать о ней принцу? И отдать ее ему? Но этого она не хочет! Она хочет быть свободной! Просто никому не подчиняться и ни от кого не зависеть! Почему каждый решает за нее, что для нее лучше?

Или она, как заметила Мелисси, вовсе не знает жизни? И для нее свобода что-то недостижимое? Если придется выбирать между свободой и жизнью, что она выберет? Хотя знает ли она, что такое свобода, ведь она всю свою жизнь прожила в клетке? Может быть, есть что-то еще более ужасное этой несвободы? Но что?

От переживаний заболела голова, жутко испортилось настроение, и она приказала себе не мандражить понапрасну. Умереть она всегда успеет, это дело нехитрое. Нужно жить и наслаждаться жизнью, пока жива.

Вскипятила чайник, налила себе чашку горячего чаю, откусила кусочек воздушного, тающего на языке пирожного, и зажмурилась от восторга. Какая вкуснота! Настроение сразу улучшилось. Вот так она и хочет жить – одна, в тихом уютном домике. И пусть к ней по вечерам приходит хороший добрый друг, рассказывает, что творится вокруг, приносит пирожное, а больше ей ничего не нужно. Только так она будет счастлива.

Глава третья

Граф вернулся из родной деревни Амирель через неделю, поздней ночью. Уставший, печальный и даже немного похудевший. И привез с собой тело своего брата. Холлта-старшего положили в зал для прощаний родового склепа и принялись готовить достойные его высокого статуса похороны.

Граф мучился, виня себя за то, что не успел встретиться с братом при его жизни. Он то и дело приходил в склеп, подолгу смотрел на спокойное лицо мертвеца, что-то настойчиво у него спрашивал, будто тот мог что-то сказать, и уходил, так и не дождавшись ответа.

Амирель тоже тосковала. Она хоть и почувствовала смерть учителя, но не верила в нее до конца. Пока не знала точно, что дроттин умер, надежда в ее сердце жила. Теперь умерла и она. Осознавать, что больше она никогда его не увидит, не услышит из его уст ни хвалу, ни укор, было невероятно больно.

Вечером следующего после приезда дня граф пришел в домик младшего садовника в глубоком трауре. Даже аграф на его поясе был черным. Амирель уже узнала печальную новость от камердинера и ждала его, плача и тоскуя. Она хотела проститься с наставником, но без графа это было невозможно.

Измученный Холлт с печальным видом встал перед ней.

– Вы были правы, Амирель. Брат был мертв. Я нашел его сидящим в кресле в дальней комнате. Сколько времени он там пробыл, я не знаю. К нему никто не заходил, хотя службы в храме не проводились. Почему?

Амирель неуверенно предположила:

– К нему по вечерам приходила служанка, она наверняка видела, что он умер. Но трогать его не решилась. Почему, не знаю. Но ведь это и к лучшему? Если бы его похоронили на деревенском кладбище, вы бы не стали тревожить могилу?

Граф задумался и ответил не сразу.

– Не стал бы, конечно. Это кощунство. И всю жизнь потом сомневался, он это или нет. Так что все к лучшему, вы правы, Амирель. Хотя я надеялся, что он окажется жив. Но не сбылось.

Кивнув, она спросила:

– Теперь вы убедились, что это он?

Граф заложил руки за спину и принялся мерно ходить по комнате, опустив голову. Светлые волосы, туго собранные в хвост, болтались за плечами.

– Да. Брат не сильно изменился. И он не был похож на мертвое тело, столько времени пролежавшее в тепле. Он будто заснул. И тихо спит. Я даже пытался с ним поговорить, но он не отвечал, естественно. – Остановившись перед Амирель, предложил: – Вы хотите с ним попрощаться? Вряд ли это возможно будет сделать позже. Завтра пройдут пышные похороны, достойные главы рода, и будет уйма самого разного народа. Вам там показываться будет нельзя. – И с горечью воскликнул: – Ну какой из меня граф? Это брат был всегда истинным главой рода, а я всего лишь жалкий узурпатор, ставший им, по сути, из милости.

Амирель не стала опротестовывать его слова. Зачем? Ему просто нужно выговориться, а утешить его и без нее есть кому. Наверняка графиня найдет для этого нужные слова, она чуткая и нежная жена, графу в супружестве повезло.

Надев накидку и привычно скрыв лицо под капюшоном, Амирель направилась к выходу. Граф вышел за ней. Потом прошел на полшага вперед, показывая дорогу средь извилистых аллей, утонувших под сенью вековых деревьев.

Почти совсем стемнело, но дневное тепло еще не было унесено вечерним похолоданием. Не желая никого видеть и памятуя о безопасности спутницы, граф, далеко обходя замок, вел ее

по дальним аллеям, то и дело переходя на видимые только ему тропки. Амирель никогда здесь не бывала и с интересом посматривала вокруг, досадуя, что в темноте почти ничего не видно.

Семейное кладбище с родовым склепом оказалось на противоположной от ее домика стороне. Чтобы она не наткнулась в темноте на величественные надгробные плиты, граф взял Амирель за руку. Осторожно проведя по кладбищу, подвел к остроконечному строению, выделявшемуся в темноте благодаря свету двух фонарей, горящих у входа. Открыв заскрипевшую дверь, вошел в склеп, благоговейно склонив голову. И тут же плотно закрыл за собой двери, чтобы снаружи их никто не заметил.

Дроттина уже приготовили для завтрашнего погребального обряда, после которого его опустят вниз, в усыпальницу, где покоятся останки глав аристократического рода Холлтов, но пока он в одиночестве лежал на постаменте в небольшом зале для прощаний, освещаемый толстыми восковыми свечами, горевшими вокруг тела.

От порыва ветра, проникшего в вечный покой вместе с вошедшими, огонь свечей заколебался. По лицу покойника пробежали неверные тени, казалось, он чему-то тихо улыбается. Амирель зябко поежилась. Не потому, что замерзла, а потому, что ей стало не по себе. Ее страшило таинство загробной жизни.

– Вы замерзли? – обеспокоенно спросил заметивший ее дрожь граф, быстро стягивая с себя дублет.

– Нет, нет, не беспокойтесь! – воскликнула Амирель, вскинув в отказе руки. – Просто я волнуюсь.

Но граф все равно заботливо накинул его на нее. Тяжелое мужское одеяние, еще хранящее тепло его тела, подействовало на нее успокаивающе.

Амирель робко подошла к высокому постаменту, на котором лежал дроттин, до самой шеи укрытый графским родовым штандартом.

Казалось, он тихо спал. Лицо при неверном свете свечей казалось живым, пробегающие блики света походили на мимику. Амирель даже положила руку на его лоб, чтоб убедиться, что он и впрямь умер. Лоб оказался ледяным.

Когда она с тяжким разочарованным вздохом убрала ладонь, граф благоговейно заметил, чувствуя то же, что и Амирель:

– Невероятно, правда? Он как живой… И не подумаешь, что его давно уже нет…

– Да. Если мое предчувствие меня не обмануло, то он мертв уже более полугода, – шепотом произнесла она, с горечью глядя на того, кто столько лет был ей верным другом и не раз спасал от жуткой участи.

– Полгода? – голос графа дрогнул. – Я никогда не слышал ни о чем подобном. Похоже, между вами существовала астральная связь. И брат вовсе не выглядит дряхлым стариком.

– Сколько же ему лет? – услышав «почти восемьдесят», Амирель поразилась. – Не может быть! Он выглядит намного моложе.

– Это так, – граф благодарно коснулся тыльной стороной ладони холодной щеки брата. – Возможно, так на него подействовала праведная жизнь. Хотя нет, я знаю нескольких праведников, но все они выглядят на свой возраст. – Он замолк, что-то припоминая и тихо, стараясь не потревожить покой мертвых, продолжил: – Королева Лусия прожила очень долгую жизнь. Она умерла, скорее даже уснула, когда ей было почти сто тридцать лет. И она до самой смерти выглядела, как молодая полная жизни женщина. И все, кто жил подле нее, жили очень долго и казались моложавыми до самой смерти. Вам это ничего не говорит?

Амирель не хотелось ни о чем рассуждать. Ей было не по себе. В склепе было тихо, но ей все равно чудились странные шорохи по углам. Мертвые ее страшили. Вспомнились страшные рассказы про вурдалаков, которые любили рассказывать старшие братья долгими зимними вечерами, соревнуясь, у кого история окажется страшнее, и после которых она долго не могла заснуть.

Но, преодолев себя, все же прошептала:

– Про королеву я знаю, но вот про всех остальных – нет. Да и жила Лусия так долго лишь благодаря своему амулету.

– Я в амулет не верю, а вот в истинную королевскую кровь – да. – Граф аккуратно поправил сползший с мертвого тела конец штандарта. – И считаю пример своего брата подтверждением этому. Вы же часто встречались?

– Я умею читать и писать только благодаря ему, – она энергично закивала. – Дроттин каждый день по нескольку часов с раннего утра учил меня всему на свете.

– Вот именно! – Граф обрадовался подтверждению своим словам. – То есть он поддерживал свои силы рядом с вами, точнее, за счет вас.

Амирель не понравилось это выражение.

– Он не поддерживал свои силы за счет меня, – хмуро опровергла она. – Как он мог это делать без моего согласия? А он меня никогда об этом не просил. Да и не говорил ни о чем подобном.

Граф снисходительно улыбнулся ее горячности.

– На это не надо давать разрешения. Все, кто с вами рядом, чувствуют подъем сил, хотя вы этого не ощущаете. Как бы вам это объяснить? – Он рассеянно посмотрел вокруг, ища пример для сравнения. Его взгляд скользнул по вышитым на штандарте золотым цветам, он довольно хмыкнул и сказал: – Когда вы стоите рядом с душистым цветком, вы вдыхаете его аромат, хотя цветку все равно, чем вы дышите. Он вас и не замечает. То же происходит и с людьми, стоящими рядом с вами. От вас исходят флюиды, от которых все чувствуют себя лучше. Но не все это осознают.

– И что, эти флюиды есть только у меня? – недоверчиво уточнила Амирель. Ее беспокойство нарастало. Стоять рядом с мертвецом и вести светские разговоры казалось ей кощунством.

Но граф слишком увлекся необычной темой и забыл, где он находится.

– Они есть у всех людей, хоть и в разной степени. Разве вы не замечали, что даже не глядя на человека, можно точно определить, злой он или добрый, какое у него настроение? Просто ваши флюиды врачуют, продляя жизни, а у обычных людей отражают их внутреннее состояние и только. И в соответствии с этим действуют на окружающих либо хорошо, либо плохо. Все очень просто.

Просто не было. Мир, прежде такой ясный и понятный, состоявший лишь из белого и черного, становился все сложнее и запутаннее. Амирель замолчала, глядя на умиротворенное лицо человека, который столько ей дал.

Граф, тоже глядя на лежащего перед ним покойника, задумчиво признал:

– Сейчас брат выглядит почти как мой ровесник, а ведь он старше меня почти на сорок лет. Он первенец, я заскребыш. Я родился очень поздно, от второй жены отца, меня никто и не ждал. Между нами были еще дети, но в живых остались только две моих старших сестры. Ведь в королевстве не было королевы, способной одним своим присутствием прогнать любую хворь, – и он с улыбкой посмотрел на девушку.

Не поняв его намека, Амирель оглянулась вокруг. Неужели никто не придет бодрствовать у одра покойника? Ей не нравилось такое непочтительное отношение к тому, кто столько сделал и для нее, и для своего младшего брата, да и вообще совершил множество добрых дел. Одни ее односельчане будут вспоминать его с искренней благодарностью еще много-много лет.

Она нерешительно спросила у графа:

– А почему здесь никого нет? Ведь в последнюю ночь положено бодрствовать у гроба? Где дроттин вашего родового храма? Он должен быть здесь. Это неуважение к главе рода, пусть и бывшему.

Холлт склонил голову в знак согласия.

– Таковы традиции, вы правы. Но я всех отослал прочь, сказав, что в последнюю ночь буду находиться с братом сам, и наперсники мне не нужны. Я знал, что вы захотите прийти сюда, попрощаться со своим наставником, а чужим вас видеть ни к чему.

– А ваша жена и дети?

– Жена и дочери, – в этом уточнении прозвучала невольная горечь, отмеченная чутким ухом Амирель, – уже попрощались с братом днем. На похороны дочери не придут, они еще слишком малы, чтобы участвовать в траурной церемонии. Жену я отговорил сам, она чувствует себя не очень хорошо, к сожалению, частые роды изнурили ее, расстроив здоровье.

Амирель припомнила, что старшая девочка, встреченная ею в шатре сластей на ярмарке в Холлтбурге, почти ее ровесница, во всяком случае, по виду. Но если ее отец считает, что она слишком мала, чтоб в последний, а, по сути, единственный раз, выразить почтение родному дяде, то кто она такая, чтоб с ним спорить?

Они долго молча стояли у тела, вспоминая долгую жизнь лежащего перед ними человека. Граф помнил его сильные руки, веселый смех, неустанную заботу. Ведь, по сути, он заменил ему отца, которого он почти и не помнил. И сделал для него столько, сколько иной отец не делает для единственного сына. И он всегда будет ему за это благодарен.

Амирель же вспоминала их неспешные беседы, его истории и поучения, и беззвучно плакала. Но это были светлые слезы, слезы благодарности.

– Вы попрощались? – из омута воспоминаний ее выдернули тихие слова графа. – Она кивнула. – Тогда пойдемте, уже очень поздно. Завтра, вернее, уже сегодня, будет тяжелый день. Я провожу вас и вернусь. Побуду здесь до прихода дроттина.

В последний раз низко поклонившись наставнику, Амирель вышла из склепа. Хотела отдать дублет графу, но тот отказался.

– Слишком холодно, чтобы идти по парку в одной тонкой накидке. Мне нужно было вас об этом предупредить, забыл, извините. Ночная прохлада в этих низинных местах вредна для здоровья, а лечить вас будет некому. Нашему целителю я вас показать не смогу. О нашей семье и без того ходит слишком много сплетен. Не стоит плодить еще одну.

Амирель вспомнила мужика на ярмарке, бесстыже разглагольствующего о графине. Граф прав. Чем меньше людей будет знать о том, что не пойманная в Холлтбурге колдунья скрывается в родовом замке графов Холлтов, тем спокойнее им всем будет жить.

Они пошли обратно тем же кружным путем, для безопасности далеко обходя замок с темными проемами окон. По дороге негромко с благодарностью вспоминали дроттина, перечисляя его добрые дела и широкое сердце.

Графский секретарь устал. День прошел в унылых хлопотах, но чего еще можно было ждать, если назавтра предстояли похороны? Фелис даже и не знал, что у графа был брат, причем старший, хотя прослужил у него без малого десять лет. Похоже, эта тема была в семействе Холлтов запретной. Во всяком случае, он никогда не слышал ни от самого графа, ни от графини, упоминания о покойном.

С самого раннего утра пришлось писать столько извещений о смерти Холлта-старшего самым разным людям, что под конец рука у него даже не устала, а попросту отваливалась. Ему еще повезло, что часть писем близким родственникам любезно взяла на себя графиня, иначе он ничего бы не успел.

Оповещения по мере написания отправляли верховыми, с ними же получали соболезнования и заверения о прибытии завтра для отдания последних почестей старому графу. Закончив свою часть и спросив Фелиса, нужно ли ему помогать еще, графиня, с облегчением получив отрицательный ответ, увела всех детей, кроме младшей дочери, прощаться с дядей.

Секретарь был ей искренне благодарен за помощь. Грамотных в замке было мало, и все они были заняты подготовкой к печальной церемонии. Весь немаленький штат прислуги

носился по замку, готовя покои для родственников из отдаленных поместий, что останутся на ночь, и тех гостей, кто захочет передохнуть с дороги в общих комнатах.

Повара сбились с ног, стараясь приготовить как можно больше различных яств, ведь завтра в замок хлынут не только дворяне, но и окрестные простолюдины, да и из Холлтбурга прибудет немало горожан. Это тот редкий случай, когда в графское поместье можно будет войти всем желающим, даже последнему нищему. Кто же упустит такую чудную возможность полюбопытствовать, как живет владетель здешних земель? А угостить во славу покойного графа полагалось всех пришедших с ним проститься.

Наконец написано было все, что нужно, и Фелис по привычке похвалил сам себя, как делал всегда после должным образом выполненной работы. Можно было отойти ко сну. Его покои находились неподалеку, рядом с кабинетом, чтоб не тратить зря драгоценное время на переходы по нескончаемым коридорам замка.

Он разделся и лег в свою по-холостяцки узкую и жесткую кровать. В соседнем зале большие напольные часы гулко отбили три часа пополуночи, но ему все не спалось, видимо, сказывалось напряжение суетного дня.

Чтоб не тратить время попусту в напрасных усилиях призвать непослушный сон, он решил заняться приятным делом. Не одеваясь, накинул теплый халат, крепко затянул пояс на чуть заметном животике и направился по пустынным коридорам в южную башню. Здесь была установлена прельстившая его раз и навсегда оптическая труба, позволявшая наблюдать за таинственно мерцающими звездами. Труба принадлежала графу, но тот не возражал, если его помощник время от времени пялился в ночное небо.

В этот раз небо было затянуто темными тучами, не пропускающими свет звезд, и Фелис, сидя возле узкой бойницы, сосредоточено разглядывал в трубу темный горизонт, усыпанный едва видимыми светлыми пятнами, похожими на огни Холлтбурга.

Краем глаза заметил внизу в свете горевшего фонаря мелькнувшую странную длинную тень. Он не сразу понял, что случилось, и некоторое время продолжал по инерции рассматривать город. Но потом спохватился, заинтересовавшись, кто это бродит по парку в такое позднее время, опустил трубу пониже и подкрутил окуляр, делая изображение четче. Маленькое пятно, привлекшее его внимание, превратилось в графа Холлта в одной черной шелковой рубашке, поблескивавшей в тусклом свете пробившейся сквозь облака луны.

Заинтригованный секретарь перевел прибор на того, кто шагал рядом с ним. И выругался сквозь зубы. Это была незнакомая женщина! Женщина, на плечи которой был накинут графский дублет!

Лицо незнакомки скрывалось под сенью накидки, его он разглядеть не смог, но по легкой походке было ясно, что она молода. Фелис был уверен, что она к тому же и красива. А иначе с чего бы графу бродить с ней ночью по парку? И это в то время, как в склепе лежит его якобы любимый брат?!

Секретарь возмутился до гневных красных искорок в глазах. Не иначе как граф от вожделения весь разум растерял! И это в его весьма почтенном возрасте, имея красавицу-жену!

Фелис понял, почему на этот раз его оставили в замке. С собой в дальнюю деревню, где обнаружился старший Холлт, граф его не взял, хотя прежде он сопровождал его во всех поездках. Это потому, что граф заранее планировал привезти оттуда разрушительницу семьи, амару, рассчитывая поселить ее где-то на территории имения, и лишние свидетели ему были не нужны.

Почему граф не устроил любовницу сразу в замке? Он достаточно большой, чтоб не встречаться с тем, с кем не желаешь. Так было бы гораздо удобнее – от жены можно было бы сразу перейти к амаре. И тут же решил – нет, граф такого бы себе не позволил, он предусмотрительный. Ушлые слуги быстро бы все выяснили и доложили графине. И что бы тогда было? Ведь графиня уверена, что супруг ее любит и уж, конечно, ей верен.

Влюбленная парочка скрылась с глаз, и Фелис, рискуя упасть, высунулся в окно почти по пояс, пытаясь выяснить, в какую сторону они направились. Но не смог, их скрыли высокие деревья.

Но, в принципе, узнать, где граф скрывает свою подружку, не так и сложно. Пусть парк и большой, но не настолько, чтоб его нельзя было обследовать за пару дней. А именно этим он и займется в первое же свободное время. К тому же домов, пригодных для жилья, там не так и много, что упрощает дело.

Тщательно протерев линзы предназначенной для этого бархоткой, секретарь отправился спать с твердым намерением вывести графа на чистую воду. Он чувствовал себя защитником невинной графини, ревнителем чистоты супружеского ложа, да и просто опасался за свое будущее, если граф решит вдруг приблизить к себе недостойную амару. Тогда уж точно такой приятной и необременительной жизни у него больше не будет, ведь между супругами непременно разразится война.

На следующий день в поместье для прощания со старшим графом Холлтом прибыло неимоверное количество народа. Тело перенесли в родовой храм, и прощаться с ним потянулись и те, кто его помнил, и те, кто не помнил, но хотел бы посмотреть на мумию, ведь весть о том, что тело не разложилось и покойник похож на просто спящего человека, хотя умер уже давно, разлетелась по окрестностям очень быстро.

Любопытничающих было так много, что граф, в парадном траурном одеянии стоявший в голове покойного, с негодованием поглядывал на горящие недоброй пытливостью глазки проходящих мимо.

Когда одна из купеческих семеек раз в пятый, якобы прощаясь, прошла мимо мертвого тела, едва не тыча в него пальцами, граф угрожающе нахмурил брови, глядя им в глаза. Намек они поняли и больше не появлялись, чему он был только рад. Ему хотелось собственноручно высечь плетьми этих нечестивцев, устроивших из самого скорбного события в его жизни низкий балаган.

После бессонной ночи, проведенной у тела покойного, его клонило ко сну, от долгого стояния на ногах у него сводило икры и горели ступни, но он упрямо нес караул подле гроба, отдавая последний долг любимому брату.

Наконец поток прощающихся иссяк. Люди то ли утолили праздное любопытство, то ли решили больше не рисковать, испытывая терпение графа, но к покойному никто больше не подходил. По знаку графа дроттин их семейного храма провел последний обряд, тело положили в гроб красного дерева и понесли в родовой склеп. Стоявшие вдоль дороги люди бросали под ноги идущих черные агавии – цветы скорби.

Идущий за гробом во главе траурной процессии граф не смотрел по сторонам, не желая встречаться взглядом с любопытствующими. Он чувствовал, что по его брату истинно скорбят только двое – он сам и стоящая у окна маленького домика в парке девочка с королевской кровью.

В крипту он не спустился, доверил закончить процедуру прощания дроттину, просто боялся не выдержать и разрыдаться на глазах у посторонних, уронив графское достоинство. Он знал, что гроб с телом брата поставят в специальную каменную нишу и закроют табличкой с именем и датами рождения и смерти. И он больше никогда его не увидит.

Когда-нибудь рядом с ним будут покоиться и он сам, и его жена. Но вот будет ли там лежать его сын или род графов Холлтов все-таки прервется? Эта мысль принесла боль, хотя с этим ему пора бы уже смириться. Не нужно ждать и надеяться, огорчая и без того изнуренную частыми родами Карину.

Граф вдруг подумал об Амирель. Может, попросить ее осмотреть его жену? И тут же устыдился этого жалкого порыва. Это было бы низко по отношению к жене. Уж скорее это его вина – он засеивал ее поле негодным семенем.

Он очень любил своих милых дочерей, но суровая реальность такова, что в случае его смерти жена и дочери будут вынуждены искать другое пристанище, ведь мэнор перейдет или к его дальнему родственнику, или будет передано кому-то из сателлитов короля.

А вдовий дом пусть и неплох, но слишком мал для его большого семейства. Да и денег у них будет не так уж и много, едва-едва хватит на жизнь, ведь основной доход приносит переходящий по мужской линии мэнор. И достойное приданое он скопил лишь для четырех старших дочерей. Пусть остальным еще далеко до замужества, но, если он внезапно умрет в ближайшее время, они останутся бесприданницами.

Отвлекая его от горестных дум, печальная церемония завершилась. Спеша занять места за накрытыми в парке столами, купцы и простолюдины торопливо покинули кладбище, а граф поспешил в замок. Там за поминальной трапезой собрались знатные гости.

Все уже чинно сидели за столами, ожидая только его. Он сел во главе длинного стола и сказал несколько благодарных слов о покойном. Сидевшая напротив него Карина в глухом черном платье и черном кружевном капоре кивала и вытирала непрерывно льющиеся слезы. Он благодарно улыбнулся ей за поддержку.

Все неспешно принялись за еду, но у графа аппетита не было напрочь. Рассеянно вертя в руках ложку, он думал только об одном: может или нет помочь им Амирель? И как сделать так, чтобы Карина ее не видела? Провести ее в дом под видом целительницы, закрыв лицо? Нельзя, такая странность вызовет нездоровое любопытство не только у жены, но и у всей прислуги.

Нет, показывать Амирель жене опасно, Карина импульсивна и простодушна и может случайно о ней проболтаться. А если не проболтается она, то о странной целительнице непременно ляпнет где не надо кто-нибудь из слуг.

Задумавшись, он не сразу услышал вопрос, заданный ему братом жены герцогом Фортранским:

– Как могло случиться, что тело не разложилось за столько времени? Старший граф будто живой! Его что, не принимает земля?

Это был серьезный упрек, почти обвинение в колдовстве, и никто другой бы задать его не посмел. Но высокомерный герцог считал, что ему все позволено.

Карина с упреком посмотрела на бесцеремонного брата. Но граф был готов к такому повороту:

– Брат пятнадцать лет был настоятелем храма, с юности и до самой кончины вел деятельную благодетельную жизнь. – Не озвученные слова «в отличие от вас, герцог», были понятны всем присутствующим. – Так что превращение тела в мощи вполне оправдано. Но я в этом деле профан. Наш дроттин объяснит это вам гораздо лучше.

Это была команда охотничьей собаке «ату его, ату»! Возмущенный столь бесцеремонным вторжением герцога в дела неподвластного ему рода, дроттин хорошо поставленным звучным голосом принялся посвящать присутствующих в храмовые каноны. Под напором исторических фактов и неприятных для него параллелей, а так же явственно звучащем в голосе дроттина укором, герцог весьма и весьма пожалел, что затеял этот неприятный разговор.

Дроттин без перерыва вещал всю поминальную трапезу. Под конец уставшие и ошалевшие от обилия непонятных слов и горделивого пафоса гости не просто уехали, а сбежали, даже не приставая к графу с насущными делами, как планировали поначалу.

Оставшись наедине с мужем, Карина подошла к нему, обвила его рукой за талию, положила голову на плечо и нежно потерлась носом о его шею.

– Какой тяжелый день! А для тебя и ночь, ты же вовсе не ложился. Не хочешь передохнуть?

Граф прислушался к себе. После бессонной ночи и трудного дня в его голове стоял какой-то неприятный гул, но усталость не досаждала. Даже заболевшие от долгого стояния на одном месте ноги за время сидения за столом отошли.

– Ты знаешь, я не устал, – сказал, и его вдруг озарило: это потому, что он почти всю ночь провел с Амирель!

И внезапно позавидовал незнакомцу королевского рода, за которого прочил ее. Если уж даже просто стоять рядом с этой девушкой так значимо, то насколько полным сил будет чувствовать себя по-настоящему близкий ей человек!

Карина ощутила какую-то странность в поведении мужа.

– Что с тобой? – она подняла голову и обеспокоенно посмотрела на мужа.

Он опомнился и быстро поцеловал ее в губы.

– Со мной все в порядке, если не считать тяжести на сердце. А вот что с тобой? Ты что-то слишком бледна.

Графиня не захотела признаться, что снова беременна. Зачем плодить напрасные ожидания? Сколько их уже было – обманутых надежд…

– Со мной все хорошо. Мне стыдно за брата, – она понурилась и с горечью добавила: – Он такой недобрый…

– Аристократы добрыми не бывают, я и сам недобр с теми, кто мне не нравится, – повторил граф и нахмурился. – Но наш дроттин дал ему достойный отпор. Надеюсь, больше он такой гадости о моем брате нигде говорить не будет.

Графиня ласково погладила чуть заросшую щетиной щеку мужа.

– К сожалению, брат завистлив. Его герцогство в несколько раз меньше твоего графства. И доход несравним. Я уверена, если у нас не будет наследника, он попросит у короля передачи ему и титула и земель. Под предлогом опекунства своей сестры и племянниц, якобы защищая наши интересы.

Она не произнесла «после твоей смерти», но это было и так понятно.

– Мы еще не настолько стары, моя радость. Надеюсь, у нас еще появится наследник, – утешая, граф любовно провел губами по ее виску. – Вот только меня беспокоит твое здоровье. Боюсь, ты не говоришь мне всего.

Графиня покраснела. За пятнадцать лет замужества семь трудных беременностей и последовавших за ними весьма нелегких родов оказались слишком тяжкими для ее хрупкого тела, она же не крестьянка, которые рожают каждый год, и ничего.

– Со мной все замечательно, – заверила она мужа. – Просто я расстроилась, когда узнала про ужасный случай на ярмарке. По слухам, там появилась колдунья? – с непонятной даже для самой себя надеждой спросила она.

Граф насторожился. Что наговорили Карине?

– Если так называли женщину, что отвлекла медведя и спасла маленькую девочку, то да, колдунья появилась.

Она вскинула голову и испытующе посмотрела в лицо мужа.

– Мне об этом сказали по-другому.

– И что же сказали тебе? – граф старался казаться равнодушным, но жена все равно различила в его голосе некоторое волнение.

Постаралась вспомнить все, что ей рассказали:

– Что она спустила с цепи медведя, натравила его на ребенка, а потом пыталась провести над телом еле живой девочки, попавшей в когти зверя, какой-то жуткий ритуал. Ее от малышки еле отогнали. И тогда она исчезла. Посредине взволнованной толпы. И никто не видел, куда.

Граф зло поморщился.

– Я обязательно выясню, кто распускает эти мерзкие слухи, и примерно накажу. Чтоб другим неповадно было.

– Но ведь ты не знаешь, как все было на самом деле! – графиню напугали злые нотки в голосе мужа. – Тебя же там не было.

– Ошибаешься. Я там был, – жестко ответил он.

Он стал каким-то чужим, даже незнакомым. Карина снова почувствовала неприятное стеснение в груди. Что это с ним?

– И видел все, как было, своими глазами. Целительница девочку спасала, а не проводила какие-то ритуалы. Если б не она, малышке не выжить. Медведь располосовал ей всю грудную клетку, но целительница каким-то чудом залечила все смертельные раны. И спустила зверя с цепи вовсе не она. Думаю, он не выдержал издевательств дурной толпы и сорвался сам. Ты же знаешь, как развлекается подлая чернь.

– Тогда тех, кто говорит о целительнице гадости, нужно примерно наказать, ты прав! – графиня положила тонкие пальцы на вышитые черненым серебром отвороты мужниного дублета и воскликнула со слезами в голосе: – Почему люди так злы, Эрн? Отчего выдумывают плохое, почему коверкают доброе? Среди них так тяжело жить!

Граф сильнее обнял жену, желая защитить от всех житейских невзгод.

– Такова жизнь, и мы не в силах что-либо поменять, увы. Знаю, о нас тоже, не стесняясь, плетут гадкие небылицы. – И очень серьезно попросил: – Но верь мне, дорогая, что бы ни случилось, что бы ты обо мне ни услышала, будь уверена: – я люблю только тебя! Дай мне слово, что не забудешь об этом!

Она посмотрела в его любящие глаза и открыто улыбнулась.

– Я это знаю, мой дорогой. И верю тебе. Я знаю, ты никогда мне не изменишь. И я тоже люблю тебя всем сердцем. И я никогда тебя не предам, даю слово.

Граф благодарно поцеловал жену, обнял за талию, она прижалась к нему всем телом, и они медленно пошли в свои покои.

Из кабинета выглянул все слышавший секретарь.

– «Верь мне, чего бы ни случилось!» – перекривил он слова графа и презрительно фыркнул. – А я-то считал Холлта единственным благородным человеком в этой стране! Как я ошибся! Понимаю, ему нужен наследник, пусть даже и бастард, но для чего при этом врать в глаза любящей тебя женщине? Это просто подло!

Он привычно рассортировал поступившую почту, отложив пустышки с соболезнованиями в большую кучу на столе, собираясь написать ответную благодарность попозже. Письма с прошениями разного рода небрежно побросал на серебряный поднос с вензелем графини, и совсем небольшую часть важной корреспонденции аккуратной стопкой уложил на такой же серебряный поднос, но с вензелем графа.

Это были письма высшей аристократии, и на одном из них даже красовался королевский герб. Такие послания он вскрывать права не имел, хотя ему всегда отчаянно хотелось узнать, что же там внутри.

Велев лакею отнести письма графу и графине, надел плотный плащ с капюшоном, обул высокие сапоги с металлическими набойками. Дежурившему у черного хода привратнику, с удивлением оглядевшему его странный наряд, больше предназначенный для дальней дороги, нежели для прогулок по парку, небрежно заявил:

– Пойду, пройдусь на свежем воздухе. Устал от мельтешения гостей, да и работы много навалилось. Переведу дух, глаза от писанины отдохнут. Да и погода нынче чудесная! – И ушел, гордо насвистывая и бодро шлепая по лужам.

На улице давно стемнело, моросил противный дождь и дул сильный северный ветер, что никак не соответствовало «чудесной» погоде. Привратник, человек въедливый и недоверчивый, не поверил нелепому стремлению Фелиса мерзнуть непонятно ради чего, тем более что прежде за ним никакой тяги к прогулкам не замечалось, и призадумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.